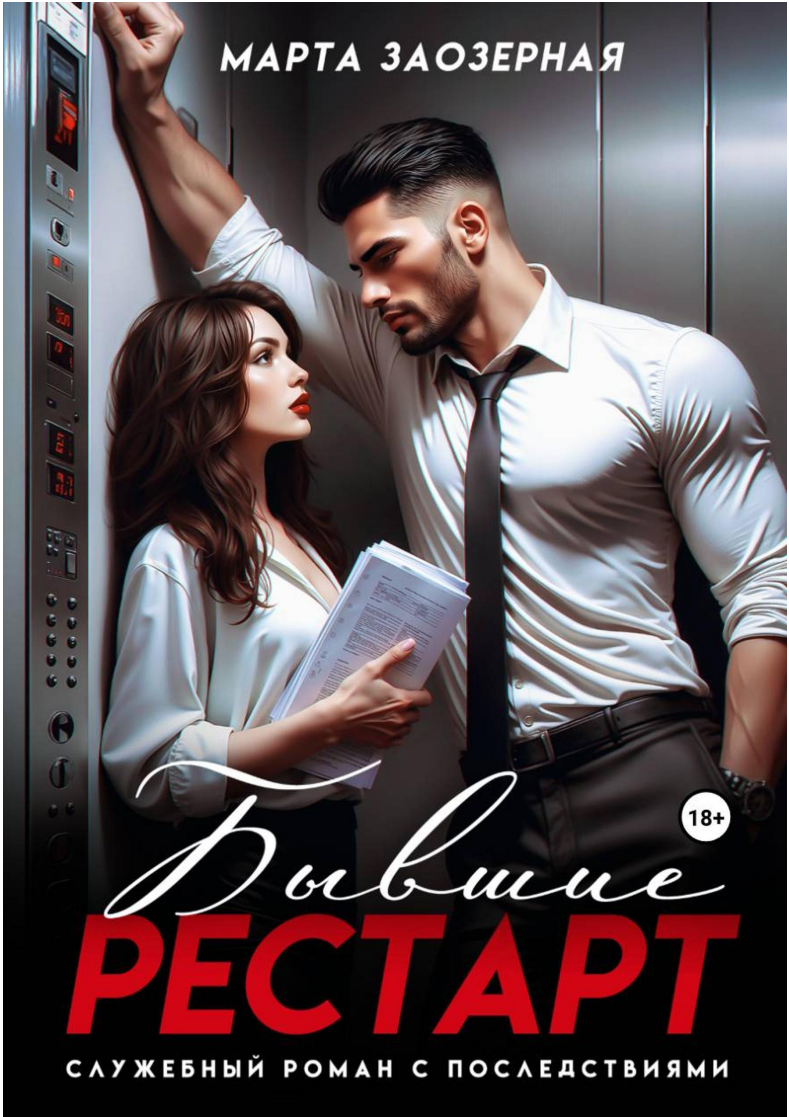

МАРТА ЗАОЗЕРНАЯ
Бывшие
18+
РЕСТАРТ
СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Марта Заозерная
Бывшие. Рестарт

https://litres.ru/74824124
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я вернулся за тобой, Женя, — невозмутимо заявляет мой бывший муж.

Честно, лучше бы он соврал.

Нет сил слушать этот бред.

— Зря, — отвечаю я.

Собираюсь обойти Нечаева, но он перехватывает моё запястье и резко дёргает на себя.

— Жень, к чему это всё? Ты ведь всё равно меня простишь, — заявляет с невероятной наглостью.

О нет, ни за что!

Семь лет назад Нечаев бросил меня, когда был так отчаянно нужен. Предал. Изменил.

А сейчас он хочет вернуть всё обратно, но я его никогда не прощу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 13	93
Глава 14	100
Глава 15	105
Глава 16	110
Глава 17	119
Глава 18	129
Глава 19	137
Г	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Марта Заозерная
Бывшие. Рестарт

Глава 1

Остановившись перед вращающейся дверью, перехватываю стаканчик с кофе левой рукой, а правой достаю из сумки пропуск.

В холле «СофтТеха» прохладно и тихо. Я специально стараюсь приезжать на работу пораньше, чтобы не толпиться с коллегами на входе в девять часов. Турникет мигает зеленым, и створки, резко дернувшись, распахиваются.

Будем считать, сегодня мне повезло. В последнее время они всё чаще стали заедать, и на днях половина сотрудников, отложивших свое появление под самое начало рабочего дня, припозднились.

Я иду к лифту, когда телефон вибрирует в кармане моего тренча.

Из-за неуклюжести, присущей мне с детства, я обычно на ходу не переписываюсь и даже не читаю сообщения. Но вибрация повторяется, и мне приходится сдаться.

Оказавшись в лифте, удерживаю одной рукой пропуск и кофе, а второй нащупываю телефон.

Увидев на экране имя сестры, настораживаюсь. Она обычно так рано не просыпается. Оксана у нас видеоблогер и по совместительству счастливая супруга вице-губернатора, так рано ей подниматься попросту некуда.

«Нечисть в городе!!! И, кажется, направляется прямиком в твой офис. Так папа сказал. Держись!»

«Говорят, он вернулся не один…».

Перечитываю несколько раз, второе сообщение игнорирую напрочь. Для меня его не существует.

Возвращаю внимание к первому.

Три восклицательных знака и ни одного смайлика — для Оксаны это практически крик отчаяния.

Но будоражит меня далеко не это. Внутри будто стоп-кран кто-то дернул, и я против воли напрягаюсь.

По рукам одна за одной расползаются волны мурашек, и мелкие волоски на коже встают дыбом.

Нечисть. Так «ласково» сестра называла моего бывшего мужа. Во-первых, когда мы были женаты, Оксанке было всего четырнадцать лет, и ей казалось, что Нечаев наглым образом отобрал меня у семьи.

Во-вторых, моя немного взбалмошная сестра всем придумывает прозвища.

Ну и в-третьих, он заслужил.

Не верю сестре, но сердце вопреки желанию замирает в груди. Жаль, мне так нравилось думать, что я давно переросла фазу, когда упоминание бывшего могло что-то сделать со

мной.

Смотрю на дату в углу экрана, облегченно выдыхаю.

Первое апреля.

Быстро и почти раздраженно набираю ответ:

«Вы там что, с утра шампанского откушали? С первым апреля, Окс».

Отправляю и жду секунду. Вдруг прилетит ответ, что-нибудь в духе: «Попалась!» или, на худой конец, смеющийся смайлик. Но нет, Оксана не отвечает.

Убираю телефон обратно в карман и медленно делаю вдох, поправляю ремешок на плече и шагаю вперёд.

Отвлекаюсь всего на секунду и тут же впечатываюсь в стену.

Высокую, твердую и на подсознательном уровне до одури знакомую.

Я узнаю *его*прежде, чем поднимаю глаза. Первыми срабатывают инстинкты, мозгу приходится догонять. Шарахаюсь обратно в кабину лифта, но поздно.

Крышка слетает со стаканчика, и я будто в замедленной съемке наблюдаю за тем, как содержимое водопадом выплескивается на белоснежную рубашку, галстук и темные брюки.

Пока кофейные капли продолжают расползаться по дорогой ткани, я поднимаю глаза.

Организм каждой своей клеточкой протестует, совершая одновременно три невозможных действия: сердце останавливается, желудок проваливается, исчезая в неизвестном на-

правлении, а лёгкие забывают, как качать кислород.

Пульс падает до нуля.

Передо мной стоит та самая Нечисть, о которой предупредила сестра. Александр Нечаев. Человек, предательство которого семь лет назад полностью разрушило всю мою жизнь. До основания, до последнего камушка.

Он изменился, стал старше, шире в плечах, набрал мышечную массу. Возмужал, одним словом, но при этом остался вполне узнаваем.

Во мне что-то вспыхивает. Не пресловутые бабочки в животе, нет. Нечто другое. Горячее и едкое как кислота. Хочется оказаться где угодно, но только не здесь.

Тишина длится от силы пару секунд, и этого не хватает, чтобы собрать себя по частям.

— Женя, — говорит он, не сводя с меня взгляда.

— Прости, я тебя не заметила, — отзываюсь, готовая отдать всё, что имею, лишь бы поскорее убраться отсюда.

Он усмехается и опускает взгляд на свою рубашку. Пятно расползлось, и не заметить его нереально.

— Семь лет прошло, а внимательность всё та же, — уголок его рта дергается, но на улыбку это совсем не похоже.

— Скорее, это рефлекс, — не могу удержать язык за зубами.

— На что?

— На раздражитель.

Аллерген, отторгаемый всем моим существом.

Зачем, вот зачем он здесь появился? Всё только наладилось! Мне потребовалось целых три года, чтобы прийти в себя. Восстановить свое здоровье и психику, заново научиться доверять людям. И вот снова…

Он прищуривается, слегка наклоняя голову набок. Смотрит на меня сверху вниз с нескрываемым интересом.

Какая же сволочь…

А в следующую секунду всё и того хуже становится.

Нечаев заглядывает в полупустой стаканчик, крепко зажатый в моих руках, и деланно округляет глаза, дескать, батюшки…

— Эспрессо? Серьезно?

Честно? Лучше бы небеса разверзлись.

Семь лет назад я пила только сладкий кофе, латте или капучино. Крепкий, горький кофе пил как раз-таки Саша. И меня приучал. Безрезультатно.

Мои вкусы изменились только после выписки из больницы, где я находилась, пока Нечаев, окрыленный своими успехами, со мной разводился. Поначалу я даже не заметила, как переняла его привычку, а когда дошло, стало уже слишком поздно.

Мой тогдашний психолог считала, что я сделала это подсознательно. Хотя бы так старалась быть ближе к нему.

Но всё это в прошлом.

— Не твое дело, — отвечаю после короткой заминки.

По его лицу пробегает тень. Он хочет что-то сказать, но

не успевает, потому что к нам по коридору несется Леночка — наш офис-менеджер.

Она окидывает Нечаева взглядом, и ее глаза становятся круглыми от ужаса.

— Александр Игоревич! — щебечет она надрываясь. — Мы вас ждём, всё готово, переговорная на восьмом этаже, я провожу...

Александр Игоревич.

Его ждут.

Переговорная.

Слышу шум крови в ушах, и пазл складывается с таким щелчком, что больно становится.

Пару дней назад нам прислали внутреннюю рассылку: *«Уважаемые коллеги, рады сообщить, что нашу команду возглавит новый генеральный директор...»*

Я не дочитала и имени нового гендира не запомнила.

Мне было не до того, горел дедлайн, а у нас упал тестовый сервер. Я просто в мыле была.

Зря, конечно, не дочитала.

Теперь придется страдать.

Или искать новое место работы.

Глава 2

Сейчас, возможно, по мне не сказать, но во времена учебы в университете я была серая, блеклая, никому не интересная мышь.

Мало кто знает, в глубине души, под слоем брони, наращённой с легкой руки Нечаева, я такой и осталась, но речь идет не об этом.

В студенческие годы глупая и нисколечко не разбирающаяся в людях Женечка Вереск даже не задалась вопросом, почему самый желанный, да и, что греха таить, красивый и перспективный парень группы обратил свое внимание именно на неё.

А стоило бы задуматься…

Тогда, вероятно, всё не закончилось бы так печально. И не пришлось бы целых три года собирать себя по кусочкам.

Но я, признаюсь, была не в меру наивна.

За это и поплатилась.

— Так ты... — начинаю и обрываю себя на полуслове. Негоже строить из себя дурочку и делать вид, что ничего не понимаю.

Во всяком случае, при Леночке точно театрально охать и сокрушаться не стану.

«О боже! Что делать?! Мой бывший муж станет моим но-

вым главным боссом?!» — от таких речей попахивает мыльной оперой.

Выхода мне видится два: терпеть и помалкивать о прошлом в тряпочку или, как я уже подумала ранее, уволиться. Осталось только решить, что важнее именно для меня: проект, которым я жила все последние годы, или собственное спокойствие.

Не скрою, в этот момент уйти, хлопнув дверью, хочется гораздо сильнее. Однако я привыкла обдумывать свои поступки.

Всё просто, жизнь научила одной простой истине: нести ответственность за сделанный выбор придется в любом случае.

Поэтому стоит подумать.

Нечаев поворачивается к подошедшей Леночке и коротко кивает, дескать, через минуту.

Бедняжка мешкает. Со страдальческим видом смотрит на его перепачканную рубашку, будто ей может влететь за мою оплошность, но в итоге кивает и испаряется со скоростью звука.

Полагаю, весть о том, что я испортила внешний вид нового босса, уже облетает этажи. Готова поспорить, пока она дойдет до первого, то видоизменится и будет звучать сродни: «Полоумная Вереск напала из-за угла на достопочтенного господина Нечаева и хотела совершить самосуд. Александру Игоревичу удалось чудом спастись. Но увы, не без по-

терь».

Если вы думаете, что в преимущественно мужском коллективе сплетни разносятся медленнее, то спешу вас огорчить…

Наши парни не прочь перемыть чужие косточки и покопаться в грязном белье.

У некоторых даже чаты отдельные есть. «Для сплетен». Но они по наивности думают, что об этом никто не знает.

Запомните: в коллективе, где есть штатный хакер, сокровенных тайн не бывает.

Мы вновь остаемся с Нечаевым наедине. После семилетнего перерыва эта непросто.

Камеры видеонаблюдения не в счет.

Я чувствую себя загнанной в угол.

Кажется, кто-то наверху сегодня во всю развлекается за мой счёт.

— Значит, новый генеральный, — произношу я с легкой усмешкой.

В былые времена я бы непременно сказала, что рада за Сашу, но не теперь.

— С сегодняшнего дня.

— Я бы предпочла, чтобы это оказалось первоапрельской шуткой, — смотрю ему прямо в глаза.

Думаю, для него не секрет: кроме неприязни, во мне к нему ничего не осталось. Все светлые чувства он выжег своим мерзким поступком.

— Я оценил, — скользит взглядом по мне. Быстро и оценивающе. Остается только порадоваться тому, что я приучила себя выглядеть хорошо каждый день. — Ты работаешь здесь?

Правда был не в курсе?

Почему я в это не верю?

Не то чтобы мне давила корона, но всё же.

— Да, — звучит слишком резко.

Всё та же недобитая Женечка хочет рассказать ему о своих успехах, но я силой воли ее затыкаю. И злюсь.

Нечисть, сейчас это прозвище ему очень подходит, сужает глаза.

Они, кстати, у него необычные. Их насыщенный янтарный оттенок при солнечном свете сиял и казался ярко-оранжевым, а в сумерках становился густо-медным и глубоким.

Оксанка, будучи любительницей всякой второсортной фэнтезятины, называла их волчьими, за что вечно от меня получала.

А теперь понимаю, отчасти доля истины в ее словах была.

— Ты стала не особо приветливой, Женя.

Ох! Ну надо же, какая досада!

— А тебя есть за что привечать?

Держусь из последних сил. С удовольствием бы плеснула остатки кофе ему прямо в лицо!

— У вашей компании проблемы. Меня пригласили на должность руководителя.

— А, ну да. Тебя всегда куда-нибудь приглашают, — невольно вспоминается то злосчастное приглашение на работу за границей. — Видимо, чужие идеи и правда помогают продвигаться по карьерной лестнице.

Повисает густая, оглушающая тишина.

Черты его лица напрягаются. Челюсти сжимаются так, что на скулах проявляются желваки.

Пройденный этап, и всё равно мой пульс бьется в горле, в запястьях, на кончиках пальцев.

— Жень, я твоими идеями не пользовался.

Гнев начинает бурлить в крови, но я сохраняю бесстрастный вид.

— Охотно верю, Александр Игоревич.

— Жень…

— В любом случае, это значения никакого не имеет, — перебиваю.

С его легкой руки я все последние годы жила как отшельник.

Но Нечаеву, естественно, знать об этом необязательно.

Пока истинные чувства не успели прорваться наружу, обхожу его по дуге и скрываюсь за поворотом.

Уже оказавшись в кабинете, прислоняюсь к стене. Зажмуриваюсь и выдыхаю так шумно, будто не дышала все эти пять минут.

Телефон снова вибрирует.

И снова Оксана.

«Это не шутка, Жень. Позвони мне».

Обязательно, только попозже, милая. Пока что у меня нет сил даже на тебя.

Я не хочу, чтобы прошлое возвращалось. Ощущение, будто я снова перестаю контролировать собственную жизнь.

С первым апреля, Евгения Дмитриевна. Чья-то небесная шалость сегодня определенно удалась.

Глава 3

Рабочий день тянется мучительно медленно, сродни ожиданию ответа от перегруженного сервера.

Сидя перед монитором и глядя на строчки кода, я не вижу ни одной. Картинка неизменно расплывается, превращаясь в бессмысленный набор символов.

Курсор мигает, ждет, бедняжка. Я тоже жду непонятно чего. Вероятно, возвращения своего здравого смысла, который явно меня покинул, стоило только увидеть Нечаева.

Мне даже как-то стыдно за себя становится.

Подумаешь, вернулся. Дальше что? Каким образом это должно меня задевать? Мы в разводе. Давно. Всё, что нас связывало, безвозвратно кануло в Лету.

И всё же… Это так нечестно с его стороны… Гадко и подло.

Черт.

Ну ты, Вереск, и размазня!

Откинувшись на спинку кресла, я запрокидываю голову и рассматриваю потолок. Если не взять себя в руки, то смысла оставаться здесь работать не будет.

Когда уже собираюсь вновь приступить к работе, дверь в мой кабинет открывается. На пороге стоит Полина из отдела аналитики.

— Чем обязана? — спрашиваю прежде, чем она успевает поздороваться.

Мне и так понятно, что новость уже разлетелась. Полина — первый доброволец, отправленный разведать обстановку.

Вряд ли кто-то в курсе, что мы с Нечаевым были женаты. Во всяком случае, мой новый паспорт девственно чист, в нем нет никаких посторонних штампов.

Но инцидент с кофе, по-любому, уже оброс подробностями, и этого достаточно, чтобы возбудить любопытство.

— Евгения Дмитриевна… — она широко мне улыбается. — Я хотела кое-что уточнить по пятничному отчету. Запуталась немного с таблицами… — начинает смущаться под моим вопрошающим взглядом.

— Давай позже? Я наберу, как освобожусь.

Полина слегка теряется, улыбка меркнет.

— Хорошо… Извините, что отвлекаю.

— Ничего страшного, — смягчаю тон, чтобы совсем уж злюкой не выглядеть. Босса облила, коллегу послала. — Я просто действительно занята. Как только закончу текущий блок, позвоню. Ориентировочно после двух.

Она кивает и бормочет, дескать, без проблем. Поспешно выходит из кабинета.

Злясь на Нечаева, который с такой легкостью выбил меня из колеи, возвращаюсь к работе.

К обеду мне почти удаётся войти в ритм. Появляется надежда, что «пациент будет жить». Но потом звонит папа.

Вздохнув, принимаю вызов.

Если его проигнорировать — приедет. Закрытых дверей для Дмитрия Дмитриевича в принципе не существует.

— Жень, ты в курсе? — начинает он без предисловий, так сказать, экономит слова на вступлениях.

— И тебе, папочка, доброго дня.

Слышу, как он нервно тарабанит пальцами по столу. Привычка. Он всегда так делает, если кем-то или чем-то недоволен. Пытается справиться с раздражением.

— Евгения, я задал тебе вопрос.

— Если ты про нового генерального — да, мы уже познакомились.

Ставлю на то, что странный скрежет, доносящийся из динамика, — скрежет его зубов.

— Я хочу, чтобы ты держалась от него подальше, — заявляет категорично. — Никаких контактов сверх необходимого.

Этот разговор начинает меня раздражать. Таким тоном он обычно общается со своими сотрудниками.

А мне скоро тридцать, я полностью самостоятельна. Так какого черта должна выслушивать указания?

— Пап, он мой непосредственный руководитель.

— Женя.

— Что — Женя?

— Перестань дурковать и возвращайся ко мне.

Мы с ним не сработались. Пробовали, но спустя год я уво-

лилась. Это было невыносимо.

— Не хочу.

— Ты забыла, чем всё закончилось в прошлый раз?

Как тут забудешь...

Кажется, я физически на это не способна.

— Помню. Но мне двадцать девять, а не девятнадцать. Я справлюсь.

— Я тебя предупредил. Этот человек использует людей. Использовал и будет использовать. А на тебя, как мы знаем, он воздействовать отлично умеет.

«Ага, как и ты, папуль», — отзываюсь мысленно, не желая обострять.

Кладу трубку и какое-то время просто сижу, глядя на татуировку в виде аккуратно выполненной звездочки. Она скрывает небольшой шрам на запястье.

Моя звездочка…

Папа вел со мной подобные разговоры сотни раз. Начал с тех самых пор, как Нечаев впервые появился в нашей жизни.

Второй курс, начало семестра. Лекция по объектно-ориентированному программированию, на которой я, впрочем, как и на остальных, сидела на первом ряду и старательно конспектировала каждое слово, произнесенное преподавателем.

Ботаничка, помните?

У меня была всего одна подруга, и когда она прогуливала, я сидела одна. Потому что серая мышь из богатой семьи —

это даже хуже, чем просто серая мышь.

Окружающие считают, если у родителей есть деньги, значит, ты должна блистать. А я не блистала… далеко не блистала.

Разве что знаниями, но это, скорее, усугубляло проблему. Меня вдвойне не любили.

Нечаев в тот день зачем-то подсел ко мне. Это было так странно.

Помощь ему наверняка была не нужна.

Он был умным. Одним из тех, кто схватывает информацию до того, как преподаватель закончит объяснять. И, в отличие от меня, из обычной семьи.

Позднее я узнала, что мама растила его одна на зарплату медсестры в городской поликлинике. Отца не было, Саша о нем ничего не знал.

Помогали Нечаеву в то время только светлая голова, решительность и упорство.

Сложно объяснить как, я до сих пор особо не понимаю, но с того дня мы стали сближаться.

Папа забеспокоился сразу, почувствовал интуитивно, хотя я ничего не рассказывала.

«Женя, ему нужна не ты. Он хочет, чтобы я взял его на работу».

«Женя, посмотри на него трезво — у парня нет будущего. Ты для него просто билет в безбедную жизнь».

«Женя, я в людях разбираюсь лучше тебя. Поверь мне,

счастливой он тебя не сделает».

Я не поверила.

Мы поженились на четвёртом курсе. Переехали к Саше в однушку, где зимой было безумно холодно и шумно как на вокзале.

И знаете что?..

Я была тогда так счастлива… Искренне, по-настоящему.

Жаль, что только я.

***

До конца дня мы с Нечаевым больше не пересекаемся.

В восьмом часу я выключаю комп, собираю вещи и выхожу из офиса. Дорога до дома занимает, на удивление, от силы минут тридцать. Пробок в городе нет.

Хвала небесам. Добивать меня они не хотят.

Зато поднявшись на свой этаж, я настораживаюсь.

Дверь в квартиру приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но этого достаточно, чтобы пульс начал бить в уши.

Глава 4

— Вот ты мелкая зараза! — с облегчением выдохнув, захлопываю дверь и припадаю спиной к её прохладному полотну. Сердце продолжает усиленно колотиться. — Кто так делает, Окс?!

— Я хотела сделать тебе сюрприз! — на лице сестры появляется оскорбленное выражение.

Я шумно вздыхаю. Ну конечно, сюрприз. Напугать она меня хотела, поэтому и затаилась в прихожей, чтобы видеть произведенный эффект.

У сестры вообще специфичное чувство юмора. Лет в шестнадцать она разыграла отца: испугала его посреди ночи и выложила это видео на своей странице в социальной сети.

Не знаю, о чем она думала, но наш папа узнал о шалости младшей дочери ещё до того, как ролик набрал первую сотню просмотров.

И удалил его, вместе с профилем моей драгоценной сестры.

В наказание Окс была лишена телефона на целых три месяца. Помнится, она тогда даже вознамерилась жить со мной, ибо предки (это дословно) не понимают её тонкой натуры.

— Как ты так быстро поняла, что это я? — Оксанка складывает руки на груди.

Она явно ожидала другого эффекта. Как минимум, моего перепуганного вопля.

— По твоим приторно-сладким духам, — отвечаю и, опустившись на пуф, принимаюсь расстегивать ремешки на своих демисезонных ботинках.

— Вот черт! В следующий раз искупаюсь с хозяйственным мылом, перед тем как ехать к тебе.

Где она и где хозяйственное мыло? Готова поспорить, Оксанка даже не представляет, где его люди отыскивают.

Адреналин, окативший меня холодной волной, отступает, оставляя после себя чувство раздосадованности и зашкаливающий пульс.

— Следующего раза не будет! Вломишься без приглашения ещё раз, и я выставлю тебя за дверь!

— Ты сама дала мне ключи! — дует свои аккуратно увеличенные губки.

До сих пор не понимаю, зачем она начала перекраивать свое лицо. Из нас двоих только она имеет ангельскую внешность, которую переняла от мамы.

— Я не давала их тебе, а забыла их у тебя!

И о том, что забыла, тоже забыла!

— Так это одно и то же! — фыркает сестра.

Полтора года назад папа устал бороться с выходками сестры и подыскал для нее подходящую партию. Теперь с этими пятьюдесятью пятью килограммами счастья подкидывается по большей части Антон.

Ну и мне вот иногда достается.

Проходя мимо, хлопаю её по плечу, а после протягиваю руку открытой ладонью вверх. Делаю знак пальцами, дескать, отдавай.

— Ай! — она взвизгивает и делает вид, что ничего не понимает. — Ты чего дерёшься?!

— Ключи отдавай! Я чуть инфаркт из-за тебя не получила!

Оксана потирает плечо с обиженным видом, но ключи отдает.

— Можешь не верить, но я реально хотела сюрприз сделать! Встретить тебя, обнять, утешить…

О, вот мы и перешли к самому главному!..

Не удивлюсь, если это папа отправил Оксану разузнать обстановку.

— Зачем меня утешать? — изгибаю бровь, становясь серьезной.

— Ну как же, Нечаев вернулся…

Может быть, к появлению бывшего мужа я и не была готова, но вот родных отбривать за семь лет научилась.

Пожалуй, это их неуемное желание покопаться в моем прошлом и напомнить о совершенных ошибках в конечном счете меня закалило.

Первое время было трудно, я погрязла в самокопаниях. Анализировала и обвиняла себя в том, что не смогла уберечь самое ценное, что было в моей жизни. Родители и сестра пы-

тались помочь, но делали только хуже.

«Ты ведь видела, какой он…».

«Хорошо, что всё обошлось малой кровью».

«Подумаешь, развелись… Вот если бы он остался в нашей семье, это бы стало проблемой…».

Их речи мало походили на искреннюю поддержку, и в какой-то из дней я просто проснулась утром и поняла: так больше продолжаться не может.

С тех пор я стала пресекать любые разговоры о Саше и о том, что случилось после того, как он меня бросил и улетел покорять мировые IT-вершины.

— Утешения мне не требуются, — произношу резко и иду в ванную.

Поняв, что сказала что-то не то, Окс семенит следом.

— Жень, ну прости. Я не это имела в виду… Просто стресс. Вы ведь так долго не виделись… Когда папа сказал, что Нечисть вернулась, я вообще обомлела. Зачем он вернулся?

Резко обернувшись, вглядываюсь в её милое личико.

— Позвони ему и спроси. Мне он, знаешь ли, не докладывает!

Грублю не специально. Просто эта жалость во взгляде… Она меня вымораживает!

Всё время, что я мою руки, умываюсь и переодеваюсь в домашний костюм, сестра находится рядом и виновато сопит.

— Подожди, — я натягиваю топ и оборачиваюсь. — А где твоя машина? Я не видела во дворе.

— На такси приехала, — Оксана заговорщически улыбается. — Потому что…

Она убегает на кухню и через пару секунд появляется с бутылкой мартини в руке.

— Та-дам! Девичник!

— Окс, сегодня вторник.

— И что? Вторник — это маленькая пятница.

— Так говорят о среде.

— Да? Ну, значит, я и завтра приеду, - хохочет. – Какая, собственно, разница?

И правда. Для нее дни недели перестали иметь какое-либо значение с тех пор, как она забила на учебу в МГУ, заявив, что основы государственного управления ей никоим образом не интересны.

Кстати, зря.

Хватку сестра переняла у отца. Чистая сталь.

То, что происходит сейчас, идеальное тому подтверждение.

Мартини — тактический ход: развязать мне язык и добыть информацию.

Только не на ту напала, милая.

Разливая алкоголь по бокалам, сестра одаривает меня внимательным, тёплым и чуть тревожным взглядом.

— Ну и как ты, Жень? — спрашивает участливо. – Только

не ври.

— Нормально, — отвечаю как можно беззаботнее. Откидываюсь на спинку стула и, наклонив голову, слежу за её движениями.

— «Нормально» — это сродни «отвратительно»?

— Нормально, это нормально. Отчего я должна, по-твоему, расстраиваться?

Стараясь поддержать, они все топчутся по, казалось бы, зажившей ране.

— Понятно, — она кивает и, пододвинув один бокал мне, отпивает из второго. — Тогда рассказывать буду я!

Я невольно фыркаю.

Весь следующий час Окс в подробностях обрисовывает мне причины новой ссоры родителей, к которой невольно оказалась причастна.

Мама с подругами уехала в отпуск и оттуда делилась с сестрой снимками. Оксана, конечно же, не удержалась и некоторые из них запостила в социальной сети. Папа увидел на одной из фотографий постороннего мужика и закатил маме скандал.

— Он ревнует, представляешь? — Оксана хохочет. — К итальянцу! К официанту!

— Папа ко всем ревнует. У него это чувство напрямую связано с контролем.

Оксана замолкает на секунду.

Мы обе понимаем: я сказала больше, чем собиралась. Бла-

го, делаем вид, что не заметили.

Меня он тоже в какой-то степени ревновал. Я была его собственностью, дальнейшую жизнь которой он тщательно распланировал.

А потом раз… и всё развалилось.

Саша помешал ему очень сильно, потому что, не имея в своем распоряжении наследника, папа надеялся правильно выдать старшую дочь замуж. То есть, меня. Но система дала сбой, и я продолжила сопротивляться даже после развода.

Вечер проходит неплохо. Разомлев, сестра ведет себя более естественно, чем обычно. Рассказывает мне о своем новом блоге. Периодически жалуется на Антона, который не понимает её потребности снимать каждый свой шаг. А потом…

Потом она достает телефон и сосредоточенно набирает что-то в поисковике.

— Окс, — уточняю, почувствовав неладное, — что ты делаешь?

— Ничего, — отвечает, не поднимая глаз. — Просто…

— Оксана.

— Папа сказал, что Нечисть притащил с собой в Россию невесту или жену. Я хочу на нее посмотреть.

Глава 5

Александр

Наблюдаю за тем, как Женя выходит из офиса и, забравшись в свой Лексус, быстро выкатывает с парковки. Сам не понимаю, отчего раздражаюсь.

Всё на первый взгляд правильно. Её рабочий день закончен, и она едет домой. Или не домой…

В любом случае это меня не касается. Не должно касаться и беспокоить, но есть одно «но».

Подсознательно я ждал другого приема.

Нет, теплых, дружеских отношений между нами быть точно не может, не после того, что она сделала. И всё же я сходу не понял, чем обусловлена её неприязнь.

Семь лет назад, когда она, поступив подло и жестоко, попросила развода, я не стал противиться, хотя очень хотелось вернуться и встряхнуть её. Да посильнее.

Но это всё в прошлом.

— Если ты так и продолжишь гипнотизировать окно, стекло всё равно не исчезнет, — лениво шутит Ян, не отрывая взгляда от ноутбука.

Вытянув ноги, он сидит за рабочим столом и проверяет какую-то техническую документацию. Галстук давно ослаб-

лен, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Вид у него такой, будто возвращение в Россию изрядно его потрепало.

— Жаль.

— Не то слово. Я бы тоже предпочел находиться не здесь.

Даже не сомневаюсь. Последние две недели он только и делает, что ноет из-за внезапного переезда.

С Яном я познакомился на третий день пребывания в Штатах. С того времени над большинством проектов мы работаем вместе. Знаю его, как нетрудно догадаться, отлично и с уверенностью могу сказать — такого матерого зануду нужно ещё поискать.

— Вот скажи мне, зачем мы здесь? — в подтверждение моих мыслей заводит шарманку по новой. — Сингапур, Лондон… Дубай, на худой конец. Мы могли быть где угодно, но ты какого-то хрена решил затащить нас обратно в вечную мерзлоту.

Придурок наигранно ежится.

— Тебя здесь никто не держит, — рявкаю, и он хмурится.

— Ты сегодня не в духе. В чем причина?

О Жене он знает только то, что я успевал разболтать на пьяную лавочку. Объем слитой информации оценить сложно. Первые полгода после развода я помню смутно. Но в любом случае Ян весьма предусмотрительно старается мне о прошлом не напоминать.

— Ты молчишь весь вечер, — говорит Ян, захлопывая ноутбук. — Обычно это плохой знак.

— Обычно ты болтаешь за двоих.

— Так я и болтаю. Просто сегодня мой слушатель как-то не вдохновлен.

Я возвращаюсь к столу, опускаюсь в рабочее кресло и, вытянув ноги перед собой, складываю руки на груди.

Переезд в Россию действительно выглядит странно. Для всех. Начиная с партнеров, заканчивая Яном, который, хоть и не спорит, все равно до конца не понимает, зачем нам было менять выстроенную систему на этот клубок местных интриг и проблем.

А я и не собирался объяснять.

— Ты опять думаешь о том, о чем не хочешь мне рассказывать? — спокойно спрашивает Ян.

— Я думаю о компании, — отвечаю.

— Врешь.

Я оставляю его беззлобный выпад без ответа и возвращаюсь к работе. Вечерами и ночью мне работать привычнее, но, вклиниваясь в новые проекты, первое время приходится соблюдать привычный для персонала распорядок дня.

Не дождавшись ответа, он хмыкает и, отложив ноутбук, выходит из кабинета. Возвращается спустя пять минут со стаканчиком кофе из аппарата и ворчит на меня за то, что я отпустил секретаря. А та, в свою очередь, зачем-то унесла с собой ключи от подсобки, где стоит нормальная кофемашина.

Его скулеж продолжается минут двадцать и становится

фоном.

— Ситуация хуже, чем ты ожидал? — спрашивает он, замечая изменения в моем настроении.

— Да.

— Настолько, что мы зря сюда сунулись?

— Нет.

— С тобой, как всегда, приятно общаться, Нечаев.

Он садится обратно и несколько секунд молчит.

— Тогда в чем проблема? — долго не выдерживает.

Главная проблема в том, что, когда я увидел Женю, у меня на секунду сбилось всё. Мысли, внутренний ритм, дыхание, логика. Будто не было все этих лет…

— Компания перспективная, технологии сильные, но управленческий аппарат — просто дно, — меняю тему. — Классический случай: хороший продукт, который убивают изнутри. Мы все поправим, стабилизируем, выведем на новый уровень и через пару лет продадим. Или масштабируем.

Схему и объем работы я, конечно, преуменьшаю. Но так лучше, чем несколько часов кряду слушать стенания друга. Его мозг мне нужен исключительно для технической части процесса, поэтому грузить его лишней информацией нет смысла.

Закрываю файл с аналитикой и откидываюсь на спинку кресла. В «СофтТехе» проблем больше, чем ожидалось. Просевшие контракты, раздутый управленческий аппарат, дыры в безопасности, странные движения по внутреннему

бюджету.

Снаружи компания выглядит неплохо, но это только верхний, показной, слой.

Самое неприятное кроется глубже.

Несколько подрядчиков, связанные между собой фирмы-прокладки, странные тендеры, через которые деньги уходят не туда, куда должны. Цифровые следы аккуратные, но не настолько, чтобы их нельзя было заметить.

И как вишенка на торте, которой меня так легко заманить, Дмитрий Вереск — один из главных «мутных» партнеров. Вернее, его корпорация, которая за годы моего отсутствия в стране сдулась и наверняка поэтому подалась на теневую сторону.

В прошлом Вереск был очень высокого мнения о своем детище.

Мне хочется верить, что Женя в этом всем не участвует.

Её ум очень светлый, но она по натуре очень увлекающийся человек и много может не замечать.

— Я посмотрел их основной продукт. Платформа, кстати, написана грамотно. Архитектура чистая, модульная. Кто-то из их разработчиков реально шарит.

Я даже догадываюсь кто.

Её «почерк» за эти годы остался неизменен.

— Согласен, — говорю нейтрально. — Продукт сильный. Проблема не в технологии, а в бизнес-процессах. Финансовая отчётность — отдельный разговор. Я хочу, чтобы ты зав-

тра запросил полный доступ к бухгалтерии за последние три года.

— Будет сделано, — отпивает кофе и потягивается. — Когда Добби будет свободен?

— Ты уже можешь идти, я тебя не держу.

Ян усмехается, после чего ещё минут сорок ковыряется с документами и только после этого стонет:

— Всё, с меня хватит на сегодня. Иначе я начну любить этот офис так же нежно, как ты любишь саморазрушение.

— Езжай.

— А ты?

Я перевожу взгляд на темное окно.

— Еще немного побуду.

Он недовольно хмыкает.

— Конечно. Кто бы сомневался.

Уже у двери Ян оборачивается.

— Саш.

— Что?

— Тася спрашивала, во сколько мы завтра заканчиваем.

— Зачем?

— Хочет ужин приготовить. В честь новоселья, типа.

Тася — младшая сестра Яна, которая прилетела с нами, потому что «ей нужна смена обстановки», «она всегда хотела пожить в Москве», «ей полезно попрактиковать русский». Причин озвучено много, но реальная более прозаична.

Я знаю, что Тася ко мне неравнодушна. Давно.

И это проблема.

— Я отпущу тебя пораньше, — отвечаю, не отрывая взгляда от монитора.

— Она будет ждать не меня.

Разворачиваюсь к нему всем корпусом.

Ян смотрит напряженно, но без вызова. Просто старший брат, который переживает за младшую сестру. Я его понимаю. На его месте я бы уже давно завелся от всей этой подвешенности.

— Ян, я ей ничего не обещал.

— Именно поэтому и прошу поприсутствовать. Не обещал — значит, можешь хотя бы поужинать.

Я коротко выдыхаю.

— Ладно. Скажи ей, что постараюсь.

Глава 6

После долгих посиделок с сестрой я совершенно не выспалась, но рабочее совещание, проводимое на следующий день, на котором нам представляют Нечаева как нового генерального, поначалу проходит неплохо.

В большом конференц-зале сначала вещают главные акционеры, затем слово переходит к моему бывшему мужу.

Я смотрю куда угодно, только не на него.

Кому-то это может показаться по-детски наивной глупостью, но стоит мне только попытаться взглянуть в его сторону, как удавка начинает стягивать горло, мешая дышать и доводя до отчаяния.

Сегодняшней ночью я успела разочароваться в себе.

До недавнего времени я была уверена, что переболела своей персональной Нечестью и отпустила наше совместное прошлое. За прошедшие годы ни разу не интересовалась его личной жизнью, информацию о проектах тоже не уточняла. Мне было доступно только то, что касалось рабочих моментов. И всё.

После того как я пресекла попытки родных обсудить со мной Сашу, всё, что связано с ним, стало для меня табуированной темой.

И знаете что? Так проще дышалось.

Теперь же, стоило нам пересечься и послушать добытую Оксанкой информацию, моя броня, казавшаяся крепкой, начинает трещать.

«Посмотри, какую деваху он повсюду за собой таскает»,— в памяти всплывают слова сестры и фотография, сделанная кем-то в аэропорту.

Господи, вот зачем мне эта информация? Жила как-то без нее и печали не знала. Снести бы ее из памяти к чертовой матери.

Только как?

В какой-то момент я расслабляюсь и беззвучно стекаю по спинке кресла. Не прячусь, просто занимаю более удобную позу и флегматично рассматриваю потолок.

Может, в Азию перебраться? По большому счету, мне нет дела, откуда работать. Однако я всегда очень любила Москву и больше нигде жить не хотела. Исключением на моей памяти стал единственный момент, когда Саше предложили работу в Штатах. Ради него я была готова сорваться…

Малолетняя идиотка.

Хотя и сейчас немногим лучше.

— Как он на тебя смотрит…

Поблизости слышится тоскливый вздох, и я не сразу понимаю, что реплика мне адресована.

— Женя, вы знакомы с Нечаевым? – обращается ко мне Лика, помощница одного из заместителей генерального. – Он уже минут десять с тебя взгляда не сводит.

Выбравшись из своих мыслей, я инстинктивно подбираюсь и сажусь ровнее.

— С чего ты взяла?

Она хмыкает, дескать, ну ты даешь.

— У меня глаза есть, — понижает голос до шепота, чтобы не отвлекать окружающих. – Я сначала было решила, что это он меня заприметил. Даже попыталась с ним позаигрывать, но потом… — скисает окончательно, — он так на меня посмотрел, что я себя букашкой почувствовала.

Заприметил… Позаигрывала…

Чувствую себя оторванной от мира.

Однако, зная Сашу, могу с уверенностью сказать: он действительно умеет обезоруживать взглядом и способен заставить человека почувствовать себя не иначе как назойливой блохой.

До того, как мы стали встречаться, я стеснялась говорить в его присутствии.

— Он на всех смотрит так, — говорю я.

Лика округляет глаза.

Можно, конечно, отмахнуться или соврать. Но то, что мы одногруппники – ни для кого не секрет. При желании эти данные можно найти за десять минут.

— Мы учились вместе, — отвечаю на её немой вопрос.

С губ коллеги слетает облегченный вздох, больше походящий на свист.

Сразу становится ясно, что впечатление на Лику мой быв-

ший муж уже успел произвести.

Удивлена ли я? Скорее, нет.

Он настолько выгодно выделялся на фоне остальных учащихся нашего факультета, что половина студенток продолжили таскаться за ним даже после нашей свадьбы, так что…

Лика открывает рот, явно намереваясь засыпать меня вопросами, но совещание, слава всем богам мира, подходит к концу. Акционеры жмут Нечаеву руку, зал приходит в движение, и его тут же обступает толпа.

Пользуясь оживленностью обстановки, поднимаюсь одной из первых.

— Жень, подожди! — Лика цепляется за мой локоть и тянет на себя. — А он…

— Я не в курсе, Лик, — отвечаю, не дожидаясь ее вопроса. — Мы давно с ним не общались.

Особо даже врать не приходится. Мы с Нечаевым – чужие друг другу люди.

Полагаю, что со стороны выгляжу жестокой и черствой, но на деле таковым является он.

Если бы Саша проявил человечность и капельку сострадания, возможно, тогда моя малышка осталась бы жива. И всего этого ада не случилось бы. Но мы на тот момент уже были ему не нужны, и заморачиваться Нечаев не стал.

Вернувшись в кабинет, собираюсь погрузиться в рабочий процесс, а перед этим проверяю свой ежедневник, в котором моим почерком нацарапано: «Проверить миграцию базы».

В упор не помню, когда я это писала, но задача есть, и её нужно выполнить.

Миграция базы, как выясняется, тянет за собой цепочку проблем в модуле аналитики. С головой погружаюсь в работу, и мир за пределами моего кабинета перестаёт существовать.

Со мной так бывает, когда задача по-настоящему захватывает. Это даже лучше, чем медитация или мартини.

Два часа пролетают незаметно. Я успеваю переписать запросы, оптимизировать пару узких мест и даже ответить Полине по её злосчастному отчёту. Так и знала, что стоит только помочь один раз, и потом не отделаешься.

Когда я наконец отрываюсь от экрана, за окном уже начинает смеркаться. Казалось бы, можно вздохнуть с облегчением, но в этот момент дверь в мой кабинет без стука распахивается.

Внутри всё обрывается за секунду «до», шестое чувство срабатывает.

Нечаев заходит в мой кабинет как к себе домой. Осматривается, после чего концентрирует всё вниманием исключительно на мне.

— Женя, нам нужно поговорить, — прикрывает за собой дверь, то ли лишая меня возможности сбежать, то ли чтобы нас не подслушали.

Глава 7

Радости от появления бывшего мужа испытываю мало.

Вот почему нельзя было сделать вид, что мы не знакомы, и мирно сосуществовать? Просто не трогать меня. Неужели это так трудно?

Несмотря на то, что большинство последних проектов компании запущены на базе моих разработок, часто контактировать с прошлым генеральным мне, к счастью, не приходилось.

Зачастую я кажусь окружающим нелюдимой и замкнутой, хотя на самом деле это правда лишь отчасти. И причина такой дезинформации кроется отнюдь не в сплетнях или чьих-то злых языках.

Мне потребовалось много времени, чтобы выстроить желаемый безопасный образ.

— Надеюсь, о рабочих вопросах? — уточняю прохладно и, стараясь казаться расслабленной, откидываюсь на спинку кресла. Скорее глотку себе перегрызу, чем покажу, как сильно волнуюсь в этот момент.

— Отчасти.

Вложив руки в карманы брюк, Нечаев остается стоять у двери. Не думаю, что ему требуется мое разрешение, чтобы с удобством расположиться, и тем не менее чудесами воспи-

тания при общении с ним не блещу. Перебьется.

Если я что-то и поняла для себя после долгого общения с психотерапевтом, так это то, что общаться с людьми нужно ровно так, как они заслужили. Идеализация кого бы то ни было бьет исключительно по нам самим и никоим образом не затрагивает объект наших дум.

Для кого-то это, возможно, и не новость, а вот мне пришлось постигать, казалось бы, базовою вводную на протяжении нескольких лет.

— В таком случае прошу учесть, что непосредственный руководитель — Павел Андреевич. Если есть какие-то вопросы, тебе лучше обратиться к нему.

Паша тоже наш одногруппник и один из заместителей генерального.

В студенческие годы мы почти не общались, но, когда я в пух и прах разругалась с папой и уволилась, мы случайно пересеклись на дне рождения нашего бывшего преподавателя, и он предложил попробовать поработать под своим руководством.

Айтишник из Паши Серова вышел весьма посредственный, зато он умеет идеально оптимизировать рабочий процесс.

Даже то, что у меня спустя две недели после устройства на новую должность появился отдельный кабинет с обычными стенами — полностью его заслуга.

Поначалу я, как и все, работала в «аквариуме» и медлен-

но сходила с ума (издержки моей интровертности). Паша заметил это и организовал для меня личное пространство, за что я ему очень благодарна.

— Если тебя волнует субординация, то не переживай — Серов не против, — произносит бывший с легкой усмешкой. Мне бы его настроение. — Да и в целом мы оба понимаем, что стандартные протоколы к нашей ситуации применимы с натяжкой.

Наша ситуация… Как изящно он обозначает свое предательство.

Хотя чему я снова удивляюсь?

— У нас нет никакой ситуации, — отзываюсь я. — Мне просто неприятно с тобой общаться.

Вот же черт…

Вырвалось.

Нечаева мое отношение разве что веселит.

Усмехнувшись и не сводя с меня внимательного взгляда, он проходит вглубь кабинета и присаживается на краешек второго стола, который принесли сюда по моей просьбе. Коллегу подсаживать я не собиралась, а вот хранить документы удобно.

Бюрократия, присущая любой мало-мальски руководящей должности, признаюсь, меня убивает. Убирая бумаги в шкаф, я благополучно о них забываю, поэтому приходится хранить на виду.

— И всё же тебе придется со мной пообщаться, Женя, —

говорит спокойно.

— Да я уже поняла.

— Я просмотрел архитектуру вашей платформы. Она впечатляет.

Комплимент от Нечаева меня скорее злит. Он звучит сродни похвалам от экзаменатора, который уже решил завалить неугодного студента, но для начала хочет поразвлечься, поэтому усыпляет бдительность лестью.

— Спасибо, — отвечаю без тени благодарности.

— Но есть вопросы к нескольким модулям…

— Павел Серов… — произношу почти нараспев. — Ему по силе посвятить тебя в любые детали наших проектов.

Игнорируя мои слова, Нечаев заканчивает свою мысль:

— И к тебе.

Надежды избавиться от его общества побыстрее разбиваются в пух и прах.

— Я тебя внимательно слушаю, — подавшись к столу, складываю руки на столе и бесстрастно смотрю на него.

Он несколько секунд молчит, будто прикидывает, с какой стороны подступиться, а потом неожиданно спрашивает:

— Ты сегодня занята после работы?

Я даже не сразу нахожусь с ответом.

Нет, не потому что вопрос застал меня врасплох. Просто мозг отказывается воспринимать его всерьез. После всего, что было, он правда предлагает мне обсудить что-то после работы?

— Да, — отвечаю сухо. — Занята.

— Предлагаю поужинать и спокойно обсудить то, что не стоит обсуждать в офисе, — продолжает, будто не слыша ответа.

Вот теперь меня окончательно начинает потряхивать от раздражения.

— В ресторане? — уточняю с таким выражением, будто он предложил мне совместно прыгнуть с крыши. — С тобой?

— Женя, не драматизируй.

Я коротко усмехаюсь.

Если до этого и оставались надежды, что он тоже переживал когда-то из-за случившегося, то теперь их не остается.

Драмой наш развод только для меня обернулся.

— Если у тебя есть рабочие вопросы — задавай здесь. Сейчас. В пределах моего рабочего дня и этого кабинета.

— Хорошо, — соглашается он после короткой заминки.

Не знаю почему, но от этой его уступчивости становится только хуже.

— Мне нужны ответы по нескольким проектам, — говорит он уже совершенно другим тоном. — По тем, что завязаны на облачное хранение, аналитические модули и клиентские базы.

— Конкретнее.

Он слегка склоняет голову.

— Кто изначально проектировал архитектуру контура доступа для корпоративного сегмента?

— Я.

— Полностью?

— Базовую модель — да.

Видя, что мой скупой ответ Нечаева не устраивает, вдаюсь в некоторые подробности того, как проходили этапы разработки.

Он кивает.

— Кто утверждал ролевую матрицу?

— На старте я, потом Паша, затем служба ИБ.

— Кто имеет административный доступ сейчас?

Раздражение рвется наружу.

К чему это всё? Всю информацию он мог получить и не задействуя меня.

Ощущение, что сейчас Нечаев просто пудрит мне мозги, и интересующий его вопрос кроется совершенно не в этом.

— Если ты хочешь сказать, что у нас бардак в доступах, то нет, — продолжаю я, стараясь говорить ровно. — Архитектура нормальная. Ты можешь перейти поближе к делу?

— Буквально сегодня моим азиатским знакомым предложили купить продукт, один в один схожий с тем, к запуску которого наша компания готовилась все последние месяцы.

От шока я почти что немею, мозг отказывается в это верить, поэтому выдает первое, что приходит в голову.

— И при чем здесь я? Думаешь, я совсем дура, так рисковать своей профессиональной репутацией. Даже если я соберусь уволиться, сливать свое детище никогда не стану.

— Я бы в это поверил, но… — он как-то странно вздыхает. — Поставщиком выступает фирма, аффилированная с твоим отцом.

Меня будто ледяной водой окатывает. На секунду даже голос пропадает.

Как в этом папа может быть замешан? Все проекты я начинаю с нуля.

Всё, над чем я работала, будучи его сотрудницей, в его фирме и осталось.

— Что ты сказал?

— Ты меня хорошо услышала.

— Повтори ещё раз, я хочу понять, насколько ты охренел! Объясни, за что ты хочешь ему отомстить?

— Жень, дело не в этом.

Его лицо не меняется… В отличие от моего.

— Уверен? — я едва ли не рыдаю от злости. — До твоего появления меня никогда в краже информации не подозревали! Замечательное такое совпадение! Реально за этим приехал? Чтобы счеты свести?

— Не говори глупости. До сегодняшнего дня я и сам не знал, что у компании ещё и подобного плана проблемы существуют. Поэтому первым делом пришел поговорить с тобой.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Послушай меня внимательно. Этот проект частично финансируется через бюджетные линии, и если утечка под-

твердится, это будет не просто внутренний скандал. Уже никому не будет интересно, хотела ты этого или нет.

У меня внутри всё холодеет.

Подлость вполне ожидаема, но не так быстро!

Хотя… Похоже, папа предполагал нечто подобное и поэтому развел вместе с Оксаной суету.

— Я ни в чем не замешана.

— Я хочу в это верить, я тебе не враг.

Смешно.

До боли смешно.

— О, спасибо, — язвительно бросаю в ответ. — Вот теперь мне точно стало легче!

В голове шумит, кровь бьет в виски. Я резко подскакиваю на ноги и буквально носом врезаюсь в грудь Нечаева. Он, как назло, подходит вплотную к столу.

Миллион колкостей, вертящихся на языке, застывает, когда он, прищурившись, смотрит на меня сверху вниз.

Так ужасно, но я снова ощущаю себя преданной и обманутой.

Ума не приложу, откуда это чувство снова берется.

Теплое дыхание Нечаева касается моего виска, когда он, наклонившись, тихо и доверительно произносит:

— Расскажи всё, и я постараюсь тебе помочь.

Злость, бурлящая внутри, захлестывает. Ладонью отталкиваю его от себя.

— Мне не в чем признаваться! И рассказывать нечего! Из

нас двоих только ты не брезгуешь присваивать себе чужие идеи!

В его глазах вспыхивает огонь. Короткая вспышка, которую я успеваю заметить.

А в следующую секунду происходят сразу две вещи:

Нечисть перестает сдерживаться. Выкинув руку, обхватывает меня сзади за шею и подтаскивает ближе к себе.

И в тот же миг дверь кабинета распахивается. На пороге застывает девушка — та самая, которую Оксана вчера показывала мне на снимках.

Глава 8

Александр

— Женя, подожди, — пытаюсь перехватить её руку.

Резко шарахнувшись в сторону, она вскидывается и обдает меня таким ледяным и презрительным взглядом, что, откровенно говоря, поежиться хочется.

Твою мать…

Нам действительно стоило пообщаться сегодня. Затягивать глупо, и я бы мог сказать, что она специально сбегает, но во многом я сам виноват. Потерял контроль над собой и всё испортил.

— Не смей ко мне прикасаться, — медленно и четко произносит. — Никогда.

В этот момент стоило бы воспользоваться заминкой и не дать ей уйти, но я поражен настолько, что упускаю момент. И уже в следующую секунду Женя фурией несется в сторону лифтов.

Поверить не могу, она только что вытолкала нас с Тасей из своего кабинета. После чего забрала сумочку и, закрыв дверь, просто ушла.

Именно так. Взяла и ушла.

Глядя ей вслед, вспоминаю ту девушку, на которой был

женат несколько лет, которую знал как облупленную, и теперь картинка не сходится. Прошлая Женя ни за что не стала бы вести себя так воинственно.

Можно было бы предположить, что она, как и многие, с возрастом изменилась, однако в это сложно поверить. В прошлом Женя абсолютно не умела отстаивать собственные границы, старалась избегать любых конфликтных ситуаций и оставаться при этом максимально незаметной.

Теперешнюю Евгению Дмитриевну проигнорировать сложно. Почти невозможно.

— Я тебе помешала? — с горечью спрашивает Тася.

Повернув голову, только сейчас ее замечаю. Замерев поблизости, она хлопает подозрительно блестящими глазами.

Вот только женских слез мне сейчас не хватает для полного счастья.

— Просто Ян мне сказал, что вы приедете на ужин… И я решила сделать сюрприз… Извини.

Раскаяния в её голосе нет и быть не может.

Даже если предположить, что версия с сюрпризом близка к истине, то оправдать появление Таси в кабинете Евгении она всё равно не может. Я бы ещё понял, останься она дожидаться меня в моем кабинете, но он даже не на этом этаже находится.

А забрести чисто случайно…

Нужно быть оленем, чтобы в это поверить.

— Тебя Ян отправил?

Тася пугается. Бледнеет, становясь похожей на полупрозрачный бумажный лист.

— Нет, ты что! Он ни при чем! Я просто…

— Да я понял уже, — обрываю её, недослушивая.

Ложь терпеть не могу, и так как к Тасе отношусь почти как к младшей сестре, коей у меня никогда не было, решаю не обострять.

Девочку на самом деле даже жаль, потому что она явно навыдумывала себе много лишнего. Я далеко не тот человек, в отношении которого стоит строить иллюзии и обольщаться.

После развода с Женей я стараюсь избегать сильных привязанностей.

— Пойдем, я отведу тебя в кабинет брата, — качнув головой, указываю направление, но Тася какого-то черта тупит.

— А зачем?

— Ты ведь приехала, чтобы поторопить его и не позволить задержаться?

— Что?.. А… Да… — она продолжает запинаться и в целом кажется дезориентированной. — А кто это был?..

Этот вопрос заставляет меня внимательно на нее посмотреть.

Я не думаю, что она в курсе, с кем застала меня пять минут назад. Более того, не скажи ей Ян, где я, она бы не отправилась на мои поиски.

Всё произошло так быстро, что я при всем желании не

успел бы их познакомить. Увидев Таисию, Женя кивнула на дверь и, заявив, дескать, ее рабочий день закончен, вежливо попросила нас удалиться.

— Тась, ты ведь всё сама поняла, — я, может, и строгий руководитель, но вот за шею своих подчиненных до сегодняшнего дня не хватал. Черт знает, что нашло. — Давай мы не будем портить друг другу настроение, договорились? Я провожу тебя к Яну, и вы сможете поехать домой.

— А как же ты?..

Ещё немного, и она начнет плакать.

Как же не вовремя!

Только вчера мы говорили с Яном о том, что основные проблемы фирмы связаны с некачественным управлением. Явление довольно частое, особенно в случаях, когда руководители в своем желании нажиться быстро и много не брезгуют ничем.

И каково же было мое удивление, когда сегодня один из знакомых, с которым мы не так давно обсуждали возвращение в Россию и новый проект, прислал мне данные по одному из предложений, что к ним поступило.

Успешные продукты часто копируют, но не так грязно. Любая экспертиза докажет идентичность кода.

Единственное, о чем я погорячился сказать Жене — это причастность её отца. Эмоции, будь они неладны, взяли верх. Так и в прошлом случалось, когда *она* была рядом.

— Мне ещё нужно кое-куда заглянуть сегодня, — при-

подняв руку, смотрю на часы. Дело дрянь, сейчас словлю все московские пробки. — Так что в другой раз, извини.

— Ну как же так… — всё-таки всхлипывает. — Саш, давай мы тебя подождем…

Сдержанно вздохнув, опускаю взгляд и рассматриваю острые носки туфель Таисии. Она явно тщательно готовилась к сегодняшней встрече и выглядит прекрасно. Но меня, мать его, не торкает. Ноль эмоций, разве что глухое раздражение и неуместная жалость дают знать о себе.

Она молода и привлекательна, жалеть её повода нет. Как только перестанет строить ненужные иллюзии, жизнь заиграет новыми красками.

— Тася, послушай меня внимательно, — говорю строго, чтобы она наконец перестала додумывать лишнего.

Она морщится, всхлипывает в последний раз и поднимает на меня взгляд. В нём столько надежды и беспокойства, что тошно становится.

— Между нами ничего быть не может, — продолжаю, не меняя тона. — И никогда не было.

Вижу, как её плечи подрагивают и вмиг опускаются.

— Я никогда не давал тебе повода надеяться на взаимность. Если ты что-то себе нафантазировала — мне жаль.

Тася кусает губу, ресницы дрожат. Она пытается что-то сказать, но вместо этого начинает снова плакать.

— Ты хорошая, Тася, — продолжаю чуть мягче, но не отступая от сути. — Молодая, умная, красивая. У тебя впере-

ди целая жизнь, и в ней найдётся кто-то, кто будет смотреть на тебя так, как ты того заслуживаешь. Но это буду не я.

Один из самых неловких моментов в моей жизни затягивается. Приходится ждать, пока она всё осмыслит.

Тася медленно кивает и закусывает губу.

— Да, Саш, — шепчет едва слышно. — Я тебя поняла.

— Вот и хорошо, — киваю я. — А теперь идём. Я провожу тебя к Яну.

Глава 9

Под гулкое биение сердца снимаю блокировку с авто и забираюсь на водительское сиденье. Дверь захлопываю с такой силой, что барабанным перепонкам приходится туго.

Какой стыд…

Как я могла допустить, чтобы он ко мне прикасался?

Идиотка! Как есть идиотка!

Прикрыв глаза и крепко-накрепко вцепившись в руль пальцами, какое-то время сижу неподвижно. Пульс долбит в висках, и всё тело пробирает мелкая дрожь.

Думаю, не стоит объяснять, какие по своей силе чувства я испытывала к Нечаеву в прошлом, если даже сейчас, после стольких лет обиды и неприязни, он с такой легкостью выводит меня на эмоции. Да ещё какие…

Просто взял и размазал своим появлением подчистую…

Не буду скрывать, я тысячи раз представляла, как может состояться наша первая встреча. Но ни разу, клянусь, ни разу не предполагала, что всё может сложиться настолько унизительно. Для меня.

Поначалу я мечтала лишь выцарапать ему глаза. Удавить, причинить боль, любую. Главное — сильную. Однако со временем, когда получилось взять себя в руки, я поняла, что всё это лишнее. Ничего, кроме искреннего безразличия, он не

заслуживает.

Планировалось, что я буду счастлива и на него даже внимания не обращу.

А на деле что?

На деле этот мудак решил мое счастье разрушить!

В том, что слитые разработки — его рук дело, я даже не сомневаюсь.

Во-первых, мы это уже проходили. А во-вторых, за годы моей активной работы ничего подобного не случалось. Такого лютого совпадения быть в принципе не может.

Скорость, с которой он взялся вновь разваливать мою жизнь, удивляет и... восхищает.

Уронив голову на вытянутые перед собой руки, сижу так ещё пару минут, уговаривая мозг протрезветь. Он, в свою очередь, оживает не так, как мне бы того хотелось.

В памяти всплывает бледное лицо девушки.

Шок. Боль. Печаль. Все её эмоции читались словно открытая книга.

Во всяком случае, мне они были понятны, а вот Нечаев…

Есть ли Нечисти дело до кого-то кроме себя — вопрос спорный. Если бы он думал о своей новой возлюбленной, точно бы не стал таким отвратительным образом нарушать субординацию.

Мудак, что тут скажешь?

После случившегося домой ехать совершенно не хочется. Боюсь, что в одиночестве меня с новой силой накроет. Па-

мять и так уже «услужливо» подкидывает картинки из прошлого, где я, движимая желанием быть постоянно рядом с любимым, опускала голову Нечаеву на колени, если он работал на диване, и так засыпала. Просыпалась уже поздней ночью в нашей постели. В его объятьях.

От этих воспоминаний хочется разодрать себе черепную коробку и выдрать ненужную память к чертовой матери. Глупая…

В конечном счете, успокоившись и приведя себя в порядок, я не придумываю ничего лучше, чем сразу поехать к отцу.

Обвинения Нечаева в его адрес просто смешны. Руководители всех крупных фирм в одной сфере так или иначе между собой знакомы. Но если бы присутствовала аффилированность, или были заключены крупные сделки, я бы знала. Верно?

Три года назад на этапе примирения, последовавшем за одной из самых крупных родительских ссор, они переехали жить в новый загородный дом. Начали жизнь с чистого листа, как выразился тогда папа. Поэтому сейчас мне приходится потратить чуть больше часа, чтобы по пробкам добраться до особняка.

Припарковавшись между любимой маминой клумбой и входом в дом, я осматриваюсь. Сразу замечаю неподалеку автомобиль зятя.

Немного расстраиваюсь. Он наверняка приехал вместе с

Оксаной, и эта жучка всячески будет пытаться подслушать наш разговор с папой.

Ну что же, придется перетерпеть.

Перед тем как выйти, поправляю макияж в зеркале солнцезащитного козырька: тушь немного расплылась, а помаду я съела, пока губы кусала.

Вместо домоправительницы на входе меня встречает сестра.

— Ура! Ты приехала! — Окс на манер фокусницы раскидывает руки в разные стороны. — Я как чувствовала твое появление и винишко с собой привезла.

— Я пить не буду, — буркаю перед тем, как присесть на пуф и разуться, прыгая на одной ноге. — Вчера мне хватило.

— А я, вообще-то, и не для тебя привезла. Но мама с тетей Виталиной улетела в Париж. Ты знала? — Не дожидаясь моего ответа, сестра продолжает: — В общем, Антон вместе с папой закрылись в кабинете, и я скучаю. Ты обязана составить мне компанию.

Пропускаю приказ сестры мимо ушей.

Раньше мне казалось, что Оксану наша мама любит сильнее. Они обе легкие и звонкие, точек соприкосновения с младшей дочерью у нее явно больше.

Но, повзрослев, я всё же поняла: чувство привязанности у мамы устроено как-то иначе. У нее нет потребности постоянно находиться рядом со мной, Оксаной или отцом. Она нас любит, но немного по-другому.

По какой-то причине карьеру мама так и не сделала. Последний раз она официально работала ещё до моего рождения, а теперь, когда дети выросли и стали самостоятельными, она стала активно изучать мир.

Её регулярные путешествия с подругами папе не нравятся, однако сделать он ничего не может. Либо так, либо она снова подаст на развод.

— Давай в другой раз, — отвечаю, проходя мимо сестры.

— Эй, Женька, ты куда? — Окс придает голосу капризные нотки и перехватывает мою руку. — Они там по работе общаются, не мешай.

Я лишь отмахиваюсь и, освободив руку, направляюсь вглубь дома, к кабинету отца.

Шаги эхом прокатываются по просторному холлу.

Мой вопрос тоже по работе, и тоже не ждет отлагательств.

Оксана даже не понимает, что будет, если где-то всплывет информация о том, что я замешана в незаконной торговле разработками. Сказать, что это поставит крест на моей карьере, значит, приуменьшить масштаб трагедии.

Работа для меня — это всё. Семьи у меня нет. И, вероятно, уже никогда не будет, потому что «семья» предполагает наличие детей, а у меня с этим большие проблемы. Все мои хобби так или иначе тоже связаны с программированием.

Я с ума сойду, если лишусь возможности полноценно работать.

Чем ближе я подхожу к заветной дубовой двери, тем от-

четливее слышу приглушенные мужские голоса. Замедляю шаг и инстинктивно прислушиваясь.

— …он серьезно мешает, Дмитрий Дмитриевич, — голос Антона звучит напряженно, без привычной расслабленности. — Нужно что-то с этим делать, и быстро.

— Я знаю. Решим.

О ком это они? В голове на секунду вспыхивает образ Нечаева, но я тут же гашу эту мысль. Наверняка речь не о нем. У них вечно какие-то проблемы, которые нужно «решать». Не мое дело.

Останавливаюсь на миг, перед тем как войти. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Стоит мне появиться, разговор обрывается на полуслове. Две пары глаз — отцовские и зятя, устремляются в мою сторону.

Антон, сидящий в кресле напротив массивного отцовского стола, выглядит так, словно его застали за чем-то неприличным. Но меня больше волнует другое.

На долю секунды я улавливаю в папином взгляде тень тревоги и горькой досады. Однако он быстро берет себя в руки, не давая мне разгадать природу его эмоций.

— М-м-м… Привет. Я вам помешала? — произношу я, стараясь выглядеть невозмутимой.

— Да ну что ты. Как ты могла помешать? — выражение его лица становится чересчур приветливым. — Я очень рад тебя видеть. Какими судьбами? Даже не предупредила, что

приедешь.

Он поднимается из-за стола. Подходит ко мне, широко раскинув руки, и заключает в объятия. Целует в щеку, отчего я даже немного теряюсь. Однако списываю всё на долгую разлуку.

Слова Нечаева кажутся в этот момент ещё более абсурдными. Все его обвинения — грязная ложь, чтобы посеять сомнения, вбить клин между нами. Папа никогда бы не стал рисковать мной, моим детищем и тем более моей безопасностью. Он меня любит, хоть и бывает строг.

Отстранившись, я перевожу взгляд на зятя.

— Антон, не мог бы ты оставить нас с папой наедине? Это срочно.

Мужчины переглядываются.

Отец чуть заметно кивает, и Антон тут же поднимается с кресла.

— Конечно, Жень. Без проблем. Буду ждать вас в гостиной.

Он быстро выходит, плотно прикрыв за собой дверь.

Папа берет меня за руку и ведет к дивану, стоящему у стены рядом с баром.

Его взгляд становится серьезным и сосредоточенным.

Уверена, он уже понимает, о чем я хочу рассказать.

— Хорошо, что ты приехала. Я как раз собирался тебе позвонить.

Он делает паузу, с трудом подбирая слова.

— Женя, я хочу, чтобы ты меня услышала. Пожалуйста, хотя бы на этот раз, — говорит он с тоской. — Я жалею, что когда-то не остановил тебя, позволил этому браку состояться. Не защитил. От него исходит угроза, и тебе нужно держаться как можно дальше. Ты меня понимаешь?

Глава 10

Александр

Адрес Жени нахожу за пару минут. Вытащить его из личного дела не трудно. Особенно когда ты имеешь полный доступ к информационной базе компании.

Умом понимаю, что перехожу черту, и со стороны это больше походит на маниакальное преследование, а с точки зрения здравого смысла — вообще клиника, но поделать с собой ничего не могу.

После сегодняшнего разговора, точнее, после ее побега, другого варианта вовсе не вижу.

Ну вот какого черта сбежала? Мне по ощущениям будто под дых зарядили. Эмоции бьют, и мозги в кашу.

На сообщение она не ответит, звонок не примет, а оставить всё как есть – значит, позволить этому идиотизму, что одолевает меня, разрастись ещё сильнее.

К её дому приезжаю затемно. Припарковавшись, глушу мотор и откидываюсь на подголовник. Сижу так какое-то время, давая себе возможность одуматься, только хер там.

Ни на грамм не отпускает. Скорее, напротив, завожусь с каждой минутой сильнее. Внутри кто-то умело все кишки на винт наматывает.

Поняв, что ни хрена не отпустит, выхожу из машины и блокирую двери.

Пока прусь к подъезду, размышляю над тем, как глупо выгляжу. Самому не верится, что страдаю подобной фигней.

Ни до Женьки, ни после я ни за кем не таскался.

Благо, кто-то из жильцов как раз выходит, и мне не приходится ломать голову над тем, как забраться в подъезд.

Поднимаюсь на нужный этаж, только дома ее не оказывается.

Офигеть, везет как утопленнику.

Ждать приходится долго.

Лифт бесшумно открывается только ближе к полуночи. Я за это время успеваю изрядно себя накрутить. К тому же не до конца понимаю, о чем собираюсь с ней говорить. Сказать, что не прав? Так не хочется врать. Что волновался? Это правда, но она какая-то глупая.

Женя делает шаг на площадку и замирает, заметив меня.

Первое, что я отмечаю: она выглядит абсолютно разбитой.

Дело даже не во внешности. В ней самой будто сломалось что-то, выбилось из привычного ритма.

Продолжаю разглядывать, но в этот момент Женька осознает, кто находится рядом, и вся её уязвимость улетучивается за долю секунды.

Вскинув подбородок, бывшая жена окатывает меня волной концентрированного гнева. Взгляд становится ледяным.

— Ты что здесь делаешь?

— Мы с тобой не закончили разговор.

— Нет, закончили!

— Прекрати вести себя как малолетняя истеричка, — всё же срываюсь и произношу фразу достаточно резко.

Наградив меня ещё одним тяжелым взглядом и не проронив больше ни слова, она проходит мимо. Достает ключи, нервным движением вставляет в замочную скважину.

Щелчок.

Резко дернув, Женька собирается захлопнуть дверь у меня перед носом, но не успевает.

Действую исключительно на инстинктах. Выставляю руку, упираясь ладонью в гладкое полотно, и с силой удерживаю дверь.

— Совсем охренел? — цедит сквозь зубы. Демонстративно не смотрит в мою сторону.

— Нам надо поговорить, — отвечаю, стараясь контролировать свой гнев.

— Убрал руку.

Дергает дверь, но, естественно, открыть её не может.

— Нам надо поговорить, Жень.

— Что тебе надо? — ее голос срывается, звучит хрипло и зло. — Какого черта ты здесь забыл, Нечаев?

Глядя на то, как быстро она бледнеет, чувства испытываю странные. Вся моя привычная жесткость куда-то улетучивается. Сам не понимаю, почему она, и только она, производит на меня подобный эффект.

— Я волновался, — зачем-то признаюсь.

Женя коротко и неверяще хмыкает.

— Волновался он, — произносит с сарказмом. — Надо же… какая трогательная забота. Только знаешь что? Раньше надо было быть таким заботливым. А теперь — проваливай. Езжай к своей Тасе и её успокаивай. Уверена, ей твоя забота нужнее.

Да ну блядь!

Упоминание Таси действует как красная тряпка.

— Она не моя девушка. Между мной и Тасей ничего нет и никогда не было.

Сам не понимаю, на кой черт оправдываюсь.

В глазах Жени появляется ничем не прикрытое презрение.

— Ещё скажи, что за эти годы у тебя вообще никого не было?

Вопрос застает меня врасплох. Сейчас вспоминать своих бывших я не планировал. Однако мозг услужливо подкидывает фрагменты воспоминаний.

Был ли кто-то?

Конечно.

Женщин было много. По большей части случайных или удобных. После развода я всё потерял, и нужно было как-то отвлечься. Заполнить черную дыру, образовавшуюся внутри.

Красивые, умные, покладистые, страстные. Но при этом я

помню только её…

Осознание этого приходит с раздражающей ясностью.

Моя заминка длится от силы секунду, но фурии и этого хватает.

— Ясно, — произносит Женя тихо и, прежде чем я успеваю что-то сказать, с грохотом захлопывает дверь.

Стоя в пустом коридоре, чувствую себя полнейшим идиотом.

***

На следующий день с самого утра всё идет через одно место.

Я почти не спал. Внутри все кипит от сдерживаемой ярости и непонимания. Потому что, если по-честному, морозить меня сейчас – верх лицемерия с её стороны.

Это Женя меня бросила.

Не я однажды исчез без объяснений. Не я поставил точку так, что после нее не осталось времени даже на нормальный разговор. Не я сделал аборт.

Но при этом крайним почему-то оказываюсь. Чудеса, твою мать.

Да, тогда она могла ошибиться, испугаться. Но сейчас-то что? На что обижается?

К началу планерки я уже на взводе. Разве что кровавая пелена по глазам не течет.

Женя заходит в переговорную вовремя. Собранная и холодная. Садится напротив, открывает ноутбук и даже не

смотрит в мою сторону. Морозит.

Это, как ни странно, злит ещё сильнее.

Да что там, выбешивает до зубовного скрежета.

Серов начинает доклад о сроках внедрения, кто-то из аналитиков подключается по видеосвязи. Обсуждение идет в рабочем режиме ровно до того момента, пока не всплывает вопрос по одному обнаруженному багу.

— Мы уже дали обратную связь, — спокойно говорит Женя, листая что-то в своем планшете. — Если бы безопасники не задерживали согласование, сейчас не пришлось бы переносить этап.

Я поднимаю взгляд.

— Они ничего не задерживали. Согласование встало, потому что ваш отдел прислал документы с ошибками.

— Ошибки были исправлены в тот же день, — безэмоционально парирует она, всё так же не глядя на меня.

— Проблема не в согласовании, а в неэффективном управлении рисками с вашей стороны. Вы должны были всё перепроверить, и желательно на начальном этапе. Такие вещи нужно предвидеть, — раздражает, как же она меня раздражает.

И, видимо, это взаимно.

Женя вскидывает взгляд и изгибает бровь.

— Предвидеть чью-то некомпетентность? — тон становится похож на вчерашний, отчего меня на месте подкидывает. — К сожалению, в моем функционале нет опции пред-

сказывать чужие ошибки.

В комнате становится подозрительно тихо.

Между нами искрит так сильно, что присутствующие невольно всё ощущают. Сидят, опустив глаза и, кажется, даже не дышат.

— Может, если бы документы изначально готовились внимательно, — говорю я, не отрывая от неё взгляда, — нам не приходилось бы тратить время на очевидные вещи.

— А может, если бы некоторые не занимались поиском виноватых, процесс шёл бы быстрее.

Воздух в переговорной электризуется, становясь концентрированным и вязким.

— Я как раз занимаюсь делом, — произношу жёстко. — В отличие от тех, кто предпочитает сначала создавать проблему, а потом демонстративно с ней бороться.

У Паши, сидящего рядом, дергается щека. Кто-то из присутствующих неловко кашляет.

Женя захлопывает чехол на планшете. В ее глазах пляшут опасные искры.

— Если у вас, Александр Игоревич, есть конкретные претензии по работе моего отдела, озвучивайте их прямо. Не стесняйтесь.

С удовольствием, блядь. Только наедине.

Остаток планерки окончательно превращается в черт знает что. Формально мы обсуждаем рабочие вопросы, но по факту бьем друг друга каждым словом, каждым замечанием,

каждым взглядом.

Сотрудники сидят как на минном поле.

Готов поспорить, часть из них уже мысленно пишут заявление на увольнение.

Даже те, кто не в курсе нашей истории, уже понимают: между нами происходит нечто большее, чем обычный рабочий спор.

Паша обещал, что никому не будет рассказывать о нас с Женей, но сейчас уже как-то по хрен.

Я заканчиваю планерку сухо и резко. Раздаю поручения, закрываю ноутбук и первым выхожу из переговорной, потому что ещё немного – и скажу что-нибудь такое, после чего отыграть назад будет невозможно.

В коридоре меня догоняет Паша.

— Сань, подожди.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь.

Он выглядит максимально осторожным, будто боится, что я его придушу.

— У вас всё нормально? — спрашивает негромко. — Я просто… Даже неловко… Если есть какой-то конфликт, который влияет на работу, может, стоит…

— Паш, — перебиваю я. — Иди к черту.

Он округляет глаза и… кивает. А когда уходит, я ещё пару секунд стою посреди коридора. Смотрю на стеклянную стену переговорной, за которой Женя что-то говорит сотрудникам, и понимаю: если мы с ней не договоримся, то разнесем тут

всё к чертям собачьим.

Глава 11

После планерки мне хочется отхлестать себя по щекам.

Отрезвить.

Да, Нечаев вел себя как самодовольный придурок. Впрочем, при желании он всегда умел выводить людей на эмоции. Теперь же, после устроенного представления, все сотрудники наверняка будут долго и упорно обсуждать наш обмен любезностями и строить теории одна безумнее другой.

Но хуже другое.

Я сама хороша.

Зачем повелась на его провокацию? Сложно было промолчать? Так нет! Завелась зачем-то на ровном месте, и понеслось…

И что теперь? Сижу в кабинете, смотрю в монитор и не вижу ни строчки. Перед глазами так и всплывает переговорная, напряженные лица коллег и мой собственный голос. Непривычно колючий и резкий.

Обычно я сдержаннее.

Намного.

В разы.

Я ведь умею сдерживаться. За последние годы я этому научилась почти идеально. Иначе бы просто не выжила.

Но стоило появиться Саше, как мой самоконтроль будто

полетел в преисподнюю.

От одной этой мысли о собственной слабости перед ним становится мерзко.

А столько было громких слов…

Я откидываюсь на спинку кресла, прикрываю глаза и с досадой зажимаю переносицу.

Не хочу признавать очевидное, однако и отрицать будет глупо.

Раньше он действовал на меня точно так же.

Я реагировала на каждое изменение его настроения. Чувствовала мужа без слов. Если Саша был спокоен, то и мне дышалось легче. Если злился — я внутренне сжималась, даже когда внешне старалась делать вид, что всё в порядке.

Сейчас, конечно, всё иначе.

Я давно не та девочка, какой была раньше. Ментальная связь между нами в принципе теперь невозможно. Да и с чего ей быть?

И всё же, несмотря ни на что, находясь рядом с ним, я всё равно реагирую. Словно в голове какая-то химическая реакция происходит.

К такому меня жизнь не готовила.

Это бесит особенно сильно.

Не хочу допускать даже мысль, будто спустя столько лет всё повторяется.

Открыв рабочую почту, усилием воли заставляю себя приступить к работе. Читаю и отвечаю на два сообщения. Озна-

комившись, подписываю согласование по смете и только после этого понимаю, что снова думаю не о работе.

А о вчерашнем вечере.

О том, как он стоял у моей двери и говорил, что волновался.

Надо же.

Волновался он.

Мрачно усмехаюсь и тут же морщусь от себя самой.

Если честно, раздражает не только он. Но и собственная готовность мгновенно поверить в худшее. Вчера меня накрыло с пол-оборота. И чем дольше я раскручиваю ситуацию назад, тем яснее вижу: Нечаев лишь часть проблемы.

Вторую часть виртуозно организовал мой отец.

Причем так ловко, что я даже не сразу заметила, как именно оказалась в нужном ему эмоциональном состоянии.

Он умеет давить на больное, пользоваться людскими слабостями. И даже зная о его навыках, я всё равно повелась, когда он выставил бывшего мужа в моих глазах абсолютным злом.

Папа всегда умел это делать. Давить.

Нет, не в лоб. Это было бы слишком примитивно. Он действует тоньше: подбрасывает мысль, позволяет ей укорениться, а потом аккуратно удобряет получившуюся смесь заботой, опытом и якобы объективным взглядом.

Срабатывает безотказно. Делая выводы, жертва думает, что дошла до всего сама.

Я долго не могла разобрать. Безотказно велась, даже в те моменты, когда наши с ним отношения были весьма напряженными.

Путала контроль с участием, а манипуляцию — с заботой. Только теперь, спустя годы, могу признать, насколько удобной была в тот период. Послушной. Податливой. Почти бесхребетной.

К концу дня голова становится тяжелой. Я закрываю последний файл, снимаю очки, которые использую только для работы за компьютером, и несколько секунд просто смотрю перед собой.

Мысль, пришедшая час назад, не отпускает. Не видя причин с ней бороться, открываю переписку с Майей.

Последнее сообщение от меня: поздравление с днём рождения её сыночка.

Стыдно немного становится. Майя — моя единственная близкая подруга, а я последние годы общаюсь с ней так, будто боюсь как огня.

Хотя, если честно, так и есть.

Пять лет назад она вышла замуж. Почти сразу забеременела, потом родила. И всё это время я искренне радовалась за неё.

Правда радовалась.

Майя заслужила свое счастье. Она всегда умела любить жизнь, быть легкой и доброжелательной. Но рядом с её новым миром… я чувствовала себя неполноценной.

Дети — мой главный триггер.

Он слишком болезненный, чтобы делать вид, будто это не так.

Поэтому я отдалилась. Просто стала реже писать и звонить, чаще откупаться подарками, чем собственным присутствием.

И всё же именно ей мне хочется написать.

«Ты занята?»

Ответ приходит почти сразу.

«Фух, я уже думала, ты обо мне никогда не вспомнишь»

«Очень смешно», — я невольно улыбаюсь.

«Нет, серьезно. Я даже хотела начать шантажировать тебя фотками ребенка»

Готова поспорить, она знает мою реакцию и специально подстегивает.

«Вот именно поэтому и не писала. Ждала» — её сыночек очень сладкий малыш.

«Жестокая женщина. Я, между прочим, скучаю»

И я тоже очень скучаю...

Мы перекидываемся еще несколькими сообщениями. Становится легче, я словно вылезаю из вязкой внутренней жвачки, что образовалась внутри.

«Приезжай вечером ко мне?» — пишу, желая хоть как-то реабилитироваться.

«Не могу, прости. Рома в командировке, Тимку оста-

вить не с кем» — *следом от нее прилетает грустный смайлик.*

Можно смириться, но сегодня мне почему-то особенно не хочется оставаться одной.

Немного помедлив, набираю:

«Тогда приезжайте оба»

Точечки мигают дольше обычного.

«Ты уверена?»

Говорю же, она в курсе моих слабостей.

«Да. Приезжайте»

***

По дороге домой я заезжаю в ресторан и запасаюсь едой. Не знаю, что любит Тима сейчас, поэтому гребу все подряд: от котлет из индейки до невероятно красивых десертов от шеф-повара.

Дома быстро раскладываю всё по тарелкам, переодеваюсь в мягкий домашний костюм и только успеваю заколоть волосы, как раздается звонок в дверь.

Сердце пропускает удар и ныть начинает, когда Тимка первым влетает в квартиру и врезается в мои ноги.

— Тетя Женя!

Я машинально присаживаюсь перед ним на корточки, чтобы быть на одном уровне, и улыбаюсь. Маленькие ручки тут же обнимают меня за шею.

Это легкое прикосновение ощущается сродни выстрелу в грудь. Я бы всё отдала за возможность иметь такое же чудо.

— Привет, мое солнышко, — мягко глажу его по спине и незаметно облизываю вмиг пересохшие губы.

Я знаю, что многие люди стараются по много раз. Болезненно переносят неудачи и пробуют вновь. Но я напрочь морально разорилась после первого и навряд ли смогу рискнуть вновь. Слишком больно.

У малыша теплые ладошки, взъерошенные после шапки волосы и совершенно ясный, доверчивый взгляд. На долю секунды внутри поднимается такая острая, слепая боль, что мне хочется немедленно отвернуться и заплакать.

Но я, конечно, не плачу.

Только сглатываю и покрепче обнимаю мальчика.

Майя, видя мою реакцию (полагаю, по моему лицу все понятно и без слов), старается смягчить тягость момента.

— Если ты нас сейчас не покормишь, Тимофей тебя съест, — тоже садится на корточки и помогает сыну разуться. — И учти, я, возможно, захочу ему помочь. Мы до тебя полтора часа добирались. Уже думала выйти из такси и пешком пройти остаток пути.

— Ну спасибо, — хмыкаю я поднимаясь.

— Я всегда была за честность, — строит смешную, якобы серьезную, рожицу.

В их присутствии становится легче.

Тимоша сначала шкодит. Для порядка. А затем сваливается над мамой и увлекается котлетами и пюрешкой. С набитым ртом рассказывает нам про какой-то мультфильм.

Когда малыш спрашивает, знаю ли я Тобота Х, Майя подает знак, дескать, кивай, дальше он все сделает сам.

Последовав её совету, с облегчением выдыхаю: малыш моим ответом остался доволен и продолжил рассказ как ни в чем не бывало.

— Ещё б чуть-чуть, и ты спались, — подавшись в мою сторону, произносит Майя тихо. — И тогда бы мы с тобой в ближайший час смотрели мультфильмы.

— Не самая плохая перспектива.

Она толкает меня локтем в бок.

— Да что ты? Я их и так смотрю двадцать четыре на семь. Можно хоть один вечерок пропустить?

Она хоть и ворчит, но по глазам видно — материнские будни подругу не угнетают, скорее, наоборот.

Когда мальчик, сытый и довольный, переселяется в гостиную строить из диванных подушек «пещеру», мы с Майей остаемся на кухне. Болтаем обо всем на свете. Вернее, сначала Майя делится последними новостями. Но когда они иссякают, переводит вопросительный взгляд на меня.

— Ну, — начинает с нажимом, — рассказывай. Что у тебя случилось такого, что ты сама меня позвала?

Я тяжело вздыхаю.

— Всё настолько очевидно?

— Жень, ты последние годы ведешь себя как очень занятая женщина, — весьма красноречиво подкатывает глаза. — Если уж зовешь в гости вечером, значит, тебя конкретно

прижало. Кто стал причиной?

Кому-то другому, даже сестре, я бы, скорее всего, соврала. А Майку как-то стремно обманывать.

Приходится всё рассказать.

Про возвращение Нечаева. Про то, как меня штормит рядом с ним. Про его вчерашний визит и про сегодняшнюю перепалку. А ещё про папу, который снова, как выясняется, дергает за старые ниточки, а я злюсь не только на него, но и на себя — за то, что позволила.

Майя слушает не перебивая, лишь изредка кивает или качает головой на особенно красочных моментах.

— Во-первых, — говорит, когда я наконец замолкаю, — ругаться с бывшим — это нормально.

— Уже обнадеживает, — усмехаюсь из-за её деловитого тона.

— Бывшие мужья в целом созданы для того, чтобы рушить психику одним фактом своего существования. Особенно если чувства не были до конца прожиты.

— О чем ты? Я уже его не люблю!

— Жень… — она смотрит на меня сочувствием. — Вы ведь с ним до конца так и не расстались. Не поговорили даже. Просто отодрали себя друг от друга и всё.

Я возвожу глаза к потолку. Возможно, так и есть. Только это не важно уже.

— Спасибо, очень поддержала.

— Пожалуйста. Я стараюсь.

Невольно смеюсь, и Майя тут же тычет в меня пальцем.

— Вот. Уже лучше. А если серьезно, Жень, ты слишком долго тащишь всё на одном внутреннем усилии. Неудивительно, что в какой-то момент тебя пробило.

— На глазах у сотрудников, — мрачно напоминаю я.

— Да, неприятно, но не смертельно. Они-то переживут и забудут, как новая сплетня появится. Тем более, если между вами с Нечаевым реально искрит, то это не последний фейерверк.

— Господи… — простонав, закрываю лицо ладонями.

— Да ладно тебе. Зачем вообще работать в офисе, если там не будет на что посмотреть?

Её смех притупляет мой ужас.

— И что мне делать?

Майя пожимает плечами.

— Для начала — перестать делать из этого конец света, — изрекает очередную умную мысль. — Поговори с ним нормально, если тебе это нужно. Выясни, что тебя так цепляет сейчас, и всё обсуди. А если не поможет… — она отпивает чай и смотрит на меня поверх кружки. — Переспи с ним.

Чего?

Ошарашенно моргая, пытаюсь осмыслить услышанное.

Передо мной точно Майя сидит? Я бы поняла, если бы Окс подобное посоветовала.

Я моргаю.

— Ты серьезно сейчас?

— А что такого? — она выглядит совершенно невозмутимой. — Как там говорится? Гештальт нужно закрыть.

— Да ну тебя в пень! — хлопаю ее по плечу, когда, не выдержав, Майка ржать начинает. — Я думала, у тебя в декрете крыша течь начала.

Она фыркает.

— Ну а что здесь такого? Вы взрослые люди и могли бы сбросить напряжение приятным способом.

— Иногда мне кажется, что у тебя есть развратное альтер-эго. Подобные советы очень странно слышать от той, для кого муж стал первым мужчиной.

— Так я тебе на собственном опыте и советую! — деланно возмущается. — Не нужно повторять моих ошибок!

Я лишь качаю головой.

В прошлом Майя тоже недолюбливала Нечаева, особенно после того, как он развелся со мной. Сейчас же я не чувствую негатива, что мог бы исходить от подруги.

— Ну а если хочешь серьезно… — долю секунды она что-то обдумывает. — Если совсем невмоготу, ты можешь найти новую работу.

— Снова?

— Ты правда думаешь, что могут возникнуть трудности? Жень, ты чертовски крутой специалист. Не надо сидеть там, где тебе плохо, только потому что когда-то так сложилось.

Глава 12

«Переспи с ним», — мысленно ворчу я, вспоминая издевательскую фразу подруги.

Майка как скажет, хоть стой, хоть падай.

Вчера мы с ней так засиделись, что ночью у меня не было сил обдумывать это гениальное предложение. Я отключилась, едва голова коснулась подушки.

Хотя, скажу честно, я и сейчас его не обдумываю.

Нет, точно нет!

Я ведь не мазохистка.

«Переспи с ним».

Пока жду свой кофе, мрачно смотрю в одну точку и мысленно повторяю эту идиотскую фразу уже, кажется, в сотый раз за утро.

Вот уж спасибо, Майя. Удружила так удружила.

Я настолько глубоко ухожу в тонкости этого бесстыдного предложения, что не сразу понимаю, почему за стойкой вдруг становится подозрительно тихо.

— Простите, это вы мне? — с легкой усмешкой уточняет бариста.

Опомнившись, я моргаю и поднимаю на него взгляд.

Парень лет двадцати смотрит на меня как-то странно, в его глазах мелькает огонек озорства.

Если бы я в этот момент уже поняла, что он имеет в виду, клянусь, сбежала бы сразу. Не раздумывая.

И не заплатив за заказ.

Но фортуна сегодня не на моей стороне, поэтому я, стараясь казаться бесстрастной, спрашиваю:

— О чем вы?

— Переспать. Это вы мне предложили? — его довольное лицо в этот момент нужно видеть. Кажется, пареньку доставляет удовольствие вгонять меня в жуткую краску стыда.

Ещё буквально одну секунду я по-прежнему не понимаю, о чём речь.

А потом до меня доходит...

Господи…

Боже ты мой….

Я действительно произнесла это вслух.

Жар приливает к щекам так резко, что, кажется, даже уши краснеют, что в принципе мне не свойственно.

— Нет, — отвечаю я слишком быстро, чем ещё сильнее палюсь. — То есть… нет, конечно. Я не вам.

Бариста едва ли в голос не ржет.

— Хорошо, — говорит он. — Но если что, знайте: я не против.

И подмигивает.

Твою мать…

Прекрасно, Евгения Дмитриевна, просто прекрасно.

Вы блестящий стратег и… полный лузер.

Сейчас он наверняка расскажет эту историю всей смене, потом друзьям, а к вечеру в местном фудкорте появится легенда о странной женщине, которая стояла у стойки и пред-

лагала случайным людям немедленный секс.

Я закрываю глаза на мгновение и мысленно приказываю себе заткнуться, иначе мне скоро негде будет покупать по утрам кофе.

— Ваш заказ, — произносит парень и протягивает мне картонный держатель с двумя стаканчиками. — Будем ждать вас снова... — и, помедлив, добавляет. — С нетерпением.

Мелкий засранец.

— Спасибо.

Схватив кофе, я почти сбегаю.

Утро, казавшееся мне поначалу добрым, потихоньку начинает терять свою ясность и прелесть.

Топая в офис, прокручиваю в памяти слова Майи.

С одной стороны, она, как обычно, права. С другой – её легкое отношение к вопросам, триггерящим меня, иногда вызывает волну внутреннего возмущения.

Я очень рада, что Маюша не знает, каково это — чувствовать себя неполноценной, но всё же это откладывает определенный отпечаток на восприятии мира. Не могу я смотреть на вещи таким же, как и у нее, незамутненным взглядом. Это физически невозможно.

Впрочем, винить ее не за что. Подруга не в курсе, что стало для меня самым сильным ударом в тот период. Знает только отец и, наверное, мама. Навряд ли он умолчал и не стал с ней делиться.

Поговорить с Сашей. То есть, с Нечаевым.

О, как легко это звучит.

На деле же всё гораздо сложнее.

Особенно после того, как мы устроили представление на планерке. А его появление у меня дома? Будто имеет на это какое-то право! Мудак.

Я захожу в холл офиса, крепче сжимая в руках картонный подстаканник. Внимательно смотрю себе под ноги. Стаканчика два — мне просто не выжить без двойной дозы кофеина — поэтому и опасность двойная. Иду аккуратно, чтобы снова на кого-то не налететь.

У лифта пока никого, и я радуюсь, когда вхожу в пустую кабину.

Как там говорят, счастье в мелочах? Наверное, так и есть.

Правда, длится сия прелесть недолго.

Закон подлости, как и всегда, сопутствует мне.

Я успеваю лишь нажать кнопку нужного этажа, когда в последний момент между дверцами появляется мужская ладонь. Лифт послушно дергается, и двери снова разъезжаются в стороны.

Нечисть.

Ну разумеется.

Как быть могло-то иначе?

Он заходит внутрь как ни в чем не бывало. Словно не было между нами ни расставания, ни глупой, абсолютно ненужной и неуместной ссоры.

И этого непрекращающегося внутреннего напряжения, от

которого я уже так устала, тоже нет.

— Доброе утро, Жень, — легко произносит, чем раздражает меня лишь сильнее.

— Доброе, — ворчу в ответ.

Дверцы закрываются.

В замкнутом пространстве лифта его присутствие ощущается слишком остро. Мощная энергетика давит.

Глядя строго перед собой, я стараюсь не думать о прошлом и не дышать, чтобы ненароком флешбэк не словить.

Убеждаю себя, что не замечаю его внушительной фигуры, стоящей поблизости, и не чувствую тепла, которое будто физически ощущается на расстоянии вытянутой руки.

Бесполезно.

Организм, кажется, вообще не интересуется моим мнением.

Пульс сбивается, начиная давить на виски, кожа на шее становится чувствительной, а по спине проходит возмутительная дрожь.

Меня словно прокляли.

После стольких лет такая реакция недопустима, да и в целом абсурдна.

Мы молчим ровно до того момента, пока Александр не переводит взгляд на мои руки.

— Ты не выспалась? — уточняет он и, когда я перевожу на него вопросительный взгляд, поясняет: — Два кофе с утра.

— Тебя это не касается.

— Я бы так не сказал…

И прежде чем я успеваю что-либо сказать или запротестовать, Нечаев с совершенно невозмутимым видом забирает у меня один из стаканчиков.

Просто вырывает из рук!

Я так изумлена, что первые пару секунд даже не нахожусь с ответом. Хлопая глазами, гляжу, как он делает первый глоток.

— Ты что делаешь?

— Компенсирую моральный ущерб, — спокойно отвечает он и снова пьет.

Это что вообще за такое?!. Слов по-прежнему нет.

Я поворачиваюсь к нему всем корпусом и склоняю голову на бок.

— Какой ещё моральный ущерб?

— Тот, что ты нанесла мне в первый рабочий день. Считай, это досудебное урегулирование.

— Ты ненормальный?

— Пожалуй, немного есть, — передергивает плечом.

Меня накрывает смесь возмущения и какого-то почти детского шока. Настолько абсурдно всё это выглядит.

— Отдай, — говорю я, протягивая руку.

Сама не понимаю, зачем это делаю. Пить с ним из одного стаканчика я точно не буду! Полагаю, сказывается упрямство.

Он смотрит на меня сверху вниз и едва заметно усмеха-

ется.

— Поздно. Я уже к нему эмоционально привязался.

— Александр Игоревич, вы ведете себя неразумно!

— Женька, ты такая забавная, когда злишься.

О боги, у меня искры из глаз сыпаться начинают.

Если бы можно было убить взглядом, он бы уже корчился в предсмертной агонии.

Но хуже другое: несмотря на раздражение, несмотря на весь абсурд происходящего, меня пробирает от его близости. От его голоса. От этой дурацкой, неуместной, опасной легкости, с которой он вдруг начинает себя вести.

Он всё же знает, как меня раскачать, и осознание этого бьет больнее всего.

Я сама перестала иметь на него хоть какое-то влияние.

Да и имела ли когда-то? Я не уверена.

Двери открываются, и я выхожу первой.

— Подавись, — бросаю не оборачиваясь.

— Спасибо, Жень, — доносится вслед. — Ты сегодня щедрая.

***

Половину утра пытаюсь добиться от себя рабочего состояния.

Это уже входит в какую-то дурную привычку.

С появлением Нечаева моя продуктивность упала.

Перед глазами то и дело всплывает утренняя сцена в лифте, и от этого становится то неловко, то зло, то совсем уж

непонятно как. Почему я снова потеряла контроль над собой? Это глупо и странно.

Семь лет назад, когда муж проигнорировал все мои просьбы приехать — я каждый день отправляла ему письма на электронную почту, умоляла и унижалась, а потом и вовсе прислал документы на развод, тем самым доведя меня до нервного срыва, я пообещала себе, что никогда впредь не буду испытывать к этому человеку не только светлых чувств, но и вообще никаких! Никаких!

И что теперь? Разве можно назвать мою реакцию на его появление равнодушием? Нет! И ещё раз нет!

Я снова веду себя глупо, рушу свою жизнь из-за человека, который этого не заслуживает!

Во второй половине дня у нас назначено совещание, я вхожу в переговорную, уже морально готовая ко всему.

«Не буду смотреть на него лишний раз, не буду цепляться», — внушаю себе новые установки.

В теории план выглядит отлично. Но на практике он меня по-прежнему бесит.

Он сидит через два места от меня, задает вопросы, спорит с техническим блоком, листает документы, иногда коротко смотрит в мою сторону.

И каждого такого взгляда хватает, чтобы я внутренне напряглась как струна.

Мы почти не пикируемся, даже удивительно цивилизованно обсуждаем спорные моменты, но это спокойствие

только внешнее.

Под ним всё равно тлеет огонь.

Я чувствую это в его интонациях, в каждом слове и взгляде.

К концу совещания у меня уже ноет в висках.

Когда всё наконец заканчивается, я возвращаюсь к себе с единственным желанием: закрыть дверь кабинета и хотя бы десять минут посидеть в тишине.

Открываю дверь…

И останавливаюсь на пороге.

У окна, неловко обхватив себя руками, стоит Таисия.

На мгновение мне кажется, что я ошиблась кабинетом.

Но нет.

Значит, гости.

При виде меня она резко выпрямляется.

— Евгения Дмитриевна… — начинает с заметной запинкой.

«Вот только ее мне здесь не хватало»,— думаю с горечью.

Глава 13

Я закрываю за собой дверь и прохожу вглубь кабинета.

Таисия — мне приходится изрядно покопаться в своей памяти, чтобы быть уверенной: девушку зовут именно так, стоит у окна.

Вид у нее настолько потерянный, что при других обстоятельствах мне бы даже жаль ее стало, но не сейчас.

Будучи заведенной бывшим мужем с утра, сейчас я могу лишь сожалеть, что его личная жизнь стала так тесно казаться моей.

В подсознании вновь вспыхивает идея — уволиться прямо сейчас или хотя бы начать подыскивать новое место работы. Накопленных сбережений мне хватит, чтобы какое-то время не чувствовать себя ущемленной при любом варианте.

Я прохожу к столу, кладу на него папку с документами и рабочие флешки, а затем, не глядя на девушку, ровно произношу:

— Вам не стоило заходить в мой кабинет в мое отсутствие, — притяжательные местоимения выделяю интонационно. Нет, не грубо. Скажем так, терпимо.

Но Таисия всё равно заметно теряется.

Краем глаза замечаю, как весь её боевой пыл, если он и был, заметно рассеивается.

Уж не знаю, на что эта девушка рассчитывала.

— Дверь была открыта, — отвечает она после недолгой паузы.

Заняв свое кресло, устраиваюсь поудобнее и привычным движением расстегиваю ремешок наручных часов. Когда я быстро работаю, металл ритмично бьется о стол, и это меня отвлекает. Поэтому, уверенная, что разговор продлится недолго, готовлюсь заранее.

— Это не было приглашением, — поясняю я, вновь возвращая внимание к своей гостье.

Несколько секунд она молчит. Наверное, ждет, что я первой начну разговор. Но это было бы странно, к тому же мне совершенно не хочется тратить свои силы на подобную ерунду.

Это в присутствии Нечаева я расхожусь на эмоции слишком быстро. С остальными — нет.

С остальными у меня получается быть неудобно спокойной и замкнутой.

— Зачем вы пришли? — спрашиваю прямо, когда неловкая пауза в разговоре изрядно затягивается.

Я бы предпочла уже выслушать суть, отправить её и заняться делом.

Таисия сглатывает. Подходит ближе, останавливается напротив стола, и теперь я могу рассмотреть ее лучше. Красивая девочка. Хрупкая, ухоженная.

Я бы назвала её миленькой. Такой, какой я никогда не бы-

ла.

— Я хотела поговорить о Саше.

Я мысленно прикрываю ладонью глаза. Меньше всего мне бы хотелось говорить с ней о «Саше», но других общим тем для разговора у нас в принципе быть не может.

— Вам не о чем со мной говорить. Между мной и Александром Игоревичем нет никаких отношений, кроме рабочих.

Она усмехается. Нервно, натянуто и как-то зло.

— Вот только не надо делать вид, что вы тут ни при чем!

«Тут» — это где?

Возникает вопрос, но я оставляю его не озвученным.

Наша беседа и так походит на сюр, усугублять его точно не стоит.

— Я и не делаю вид.

— Серьезно? — переспрашивает она, интонации становятся выше и тоньше. — Тогда почему он постоянно крутится возле вас? Почему смотрит на вас так, будто вокруг никого больше нет? Почему вы позволяете ему это? Он даже в Москву из-за вас вернулся!

Нечаев ради меня не вернулся в Москву, даже когда был смертельно нужен, говорить о том, что сейчас я как-либо могу повлиять на него — верх абсурда.

Девушка бредит, тем самым заставляя меня приглядеться к себе повнимательнее.

Не сразу, но до меня начинает доходить: её разум искрив-

лён чувствами, отсюда и искаженное видение реальности.

Ну что же, значит, Нечаев не только на меня действует разрушающе.

— Позволяю? — повторяю я. — Простите, Таисия, верно? Вы сейчас всерьез пытаетесь возложить на меня ответственность за поведение взрослого мужчины? И за неудачи в ваших с ним отношениях?

Она дергается, будто я хлестнула ее по щеке.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я!

— Нет, не понимаю. И, если честно, понимать не хочу.

Я вижу, как ей хочется вывести меня из равновесия, но не получается, и от этого она начинает захлебываться собственными словами. Говорит сбивчиво.

— Вы… вы специально играете им. То подпускаете, то отталкиваете. Постоянно заманиваете… Вы… вы мстите ему за то, что в прошлом он вас бросил!

Её слова достигают заданной цели, но мне почему-то не больно.

— Вы ошиблись адресом, — говорю, окончательно теряя интерес к разговору. — Если у вас есть претензии к Александру, вам следует обсудить их с ним.

— У меня нет к нему претензий! — почти вскрикивает она.

И вот это уже ложь. Грубая и жалкая.

Отлично мне знакомая…

Откидываюсь на спинку кресла и задумчиво смотрю на

нее.

Я была такой же убогой, когда убивалась по нему? Фу, фу и ещё раз фу!

— Тогда к чему этот разговор?

Таисия бледнеет, но отступать, кажется, уже не может.

— К тому, что вы должны оставить его в покое.

Смешно.

Если бы она только знала, сколько сил я трачу именно на это.

— Боюсь, вы переоцениваете мое участие в его жизни.

— Нет, это вы всё еще думаете, что имеете на него право! — выпаливает она. — Но это не так! Неужели вы не понимаете, что не сможете сделать его счастливой?!

Счастье Нечаева — дело не моей компетенции. Но девица говорит так горячо и так абсурдно (можно подумать, я не в свой кабинет дверь пару минут назад открыла, а в параллельный, искривленный мир), что я не удерживаюсь от легкой иронии.

— А вы, значит, можете сделать Сашу счастливым?

— Да, я могу! Потому что я люблю его! — по ее щекам разливается яркий румянец.

Мне достоверно известно, что бывают случаи, когда любовь не окрыляет человека, а тянет на дно. Лишает воли, делает слабым, болезным, зависимым.

И, похоже, именно такая участь постигла Таисию.

Это вызывает лишь сочувствие.

— Мне жаль, — отвечаю я ровно. — Но всё же это не делает меня участницей вашей истории.

— Неправда! Если бы не вы, у меня был бы шанс!

Я медленно качаю головой.

— Нет, Таисия. Если мужчина вас не выбирает, виновата не другая женщина.

Она замирает. Смотрит так, будто я сказала что-то жестокое.

Хотя это даже не жестокость. Это просто правда, которую она, видимо, запрещает себе слышать.

— Вы ничего не понимаете, — шепчет она.

— Возможно.

Будто не слыша ответа, она продолжает:

— Оставьте его. Перестаньте крутиться рядом. Не смотрите на него, не цепляйте, не провоцируйте. Дайте ему жить спокойно.

Я медленно поднимаюсь из-за стола.

И, кажется, это производит на нее сильный эффект.

Я выше, старше, спокойнее и не собираюсь оправдываться перед девочкой, которая решила сделать меня виновной в собственном унижении.

— Послушайте внимательно, — говорю я, глядя ей прямо в лицо. — Я не держу Александра. Не зову его. Не возвращаю. И уж тем более не собираюсь отчитываться перед вами за то, что происходит или не происходит между мной и моим бывшим мужем.

При последних словах она вздрагивает.

Воспользовавшись её замешательством, решаю закончить этот бессмысленный диалог.

Направляюсь к двери и, отворив её, спокойно произношу:

— Вам пора.

Девушка уже делает шаг к двери, но вдруг останавливается. Её лицо искажается от каких-то сильных, неведомых мне эмоций, когда она выкрикивает:

— Если вы Сашу не оставите в покое, то очень сильно об этом пожалеете!

Глава 14

После неприятного общения с Таисией чувствую себя неуютно. Её угроза нисколько меня не напугала, но оставила неприятное послевкусие.

С ней явно что-то не так. Словно девушка находится в пограничном состоянии. Вероятно, так и есть. Одержимость сама по себе не является нормой.

Меня даже посещает мысль позвонить Нечаеву и посоветовать показать свою пассию, или кем там она ему приходится, специалисту. Но я быстро гоню её от себя. Сами разберутся.

Возвращаясь домой, чувствую себя выжатой. Пока поднимаюсь в лифте, размышляю над тем, как буду коротать сегодняшний вечер.

Пока что идей никаких.

Частенько я и дома работаю, но сегодня почему-то не хочется.

Сбросив туфли в прихожей, отправляюсь прямиком в душ, а после шлепаю на кухню, где разогреваю свой ужин. С легким унынием смотрю на него.

Мне бы не помешало научиться готовить. Может, записаться на курсы? Узнаю что-нибудь новое, а заодно и займу часть свободного времени.

Идея кажется годной, хотя я и знаю, что в жизнь воплощать её точно не стану.

Я готовила, только будучи в браке.

Почему-то в тот период возня на кухне не казалась мне нудным занятием. И хотя шедевров мировой кулинарии в моем исполнении Нечаев не видел, но всегда оставался доволен. А порой и сам помогал.

Не желая больше думать о бывшем, разглядываю свое отражение в черном стекле встроенного духового шкафа. Мне бы не помешало подстричься, а может, даже попробовать поэкспериментировать с цветом волос.

Лет пять назад я перекрашивалась в блондинку. Получилось так отвратительно, что, и месяца не проходив, вернулась к своему природному оттенку. Только волосы испортила.

А сейчас снова тянет на эксперименты.

Уже перед сном я мыслями вновь возвращаюсь к своей сегодняшней гостье. На душе неприятно скребет, когда я думаю, что когда-то я была такой же, как Таисия. Жалкой, зависимой, ожидающей непонятно чего.

Нечаев умеет делать только одно — разрушать. Разносить в щепки чью-то жизнь, уверенность и спокойствие.

Поразительно, но ему для этого порой даже делать ничего не приходится. Достаточно просто существовать где-то поблизости. А дальше всё сложится само.

***

Следующий день проходит спокойнее.

В первой половине дня мы с Нечаевым не пересекаемся, и это уже повод для радости.

Ближе к вечеру мне пишет Оксана.

«Ты занята сегодня?»

«Ну началось…», — думаю я. Глядя на ее сообщение, заранее ощущаю подвох.

«Смотря для чего»

Ответ прилетает мгновенно:

«Нужно спасти одного хорошего человека от одиночества и скуки»

Я усмехаюсь.

Это очень в ее духе — писать так, словно она не просит, а возлагает на тебя важную миссию.

«Нет. Даже не думай»

Печатаю ответ и уже собираюсь отложить телефон, когда он начинает вибрировать от входящего звонка.

— Женька-а-а, — тянет она вместо приветствия, — ну не будь букой.

— Не начинай.

— Я еще даже слова не сказала! Слушай, к нам прилетел Макс, это друг Артема, помнишь, я рассказывала? Он живет в Питере. Очень классный, веселый, нормальный, вообще отличный мужик…

— Оксана.

— Да подожди ты. Мы сегодня с Артемом не можем с ним

встретиться, у нас его мама внезапно решила приехать, а отменять уже неудобно. Поужинай с ним, пожалуйста.

Я раздраженно прикрываю глаза.

Ну конечно. Простое совпадение, в которое я — святая простота, обязана поверить.

— Ты сейчас пытаешься сводничать?

— Нет, — врет она с таким вдохновением, что даже смешно. — Я просто прошу сестру по-человечески помочь.

— Найди для него эскортницу. Или экскурсовода. Или психотерапевта, если уж всё настолько плохо.

Оксана фыркает в своей привычной манере.

— Жень, тебе что, сложно? Один ужин. Тебе это ничего не будет стоить. Посидите, поедите, поболтаете. Вдруг человек хороший.

Последняя фраза явно лишняя. Мы обе это понимаем.

Я перевожу взгляд на окно, за которым медленно ползут серые тучи. Если не выделываться и быть честной с собой, делать дома мне действительно нечего.

Когда у меня есть проекты, которыми я горю, это одно, а сейчас — штиль.

— Ладно, — нехотя соглашаюсь. — Но, если окажется, что ты ему уже что-то про меня наболтала, я тебя придушу.

Оксана радостно визжит в трубку.

— Обожаю тебя! Я скину адрес ресторана, где Максим будет ждать тебя, и время.

Разумеется, я даже не сомневалась, что всё уже подготов-

лено.

Глава 15

— …и вот он смотрит на меня такими огромными глазами: «Вы что, с ума сошли?», а я ему: «Нет, просто я гений!».

Максим — молодой человек, свидание с которым мне устроила сестра, начинает заразительно смеяться над собственной историей. Он явно доволен собой.

Стараясь казаться приветливой, я натягиваю на губы милую улыбку.

Такого павлина еще поискать.

Весь последний час его рот, кажется, вообще не закрывается, и занимается он исключительно одним: рассказывает, какой он незаменимый, остроумный, смелый и, вероятно, подарок мироздания всем, кто удостоится его общества.

Если бы не правила приличия, я бы попросила официанта принести беруши вместе с заказом.

— Впечатляющая история, — раздается низкий голос за моей спиной.

Какого черта?

Нет, только не сейчас… только не он…

Я в буквальном смысле слова ощущаю, как внутри всё сжимается.

Медленно поворачиваю голову.

За соседним столиком, закинув ногу на ногу, сидит Неча-

ев.

Мой бывший муж с насмешливым видом наблюдает за Максимом, а когда переводит взгляд на меня, то на его губах появляется та самая полуулыбка, от которой у меня давным-давно коленки подкашивались.

Теперь она вызывает лишь раздражение.

Сжав в пальцах салфетку, готовлюсь к худшему. Обещаю себе, что уйду, если он устроит спектакль.

— Мы, кажется, не знакомы? — Максим не сразу, но все-таки понимает, что это именно его историю сейчас оценили.

— Да? — Александр делает вид, что удивлен. — Я муж Евгении.

— Бывший, — поправляю его мгновенно.

Внутри закипает злость.

Как же он меня достал. До скрежета зубов и ярких пятен перед глазами.

Нигде от него нет спасения. Ни в офисе, ни дома… Вот теперь он и здесь меня отыскал! Нечаев всегда был настойчивым и умел добиваться поставленной цели. Проблема лишь в том, что мне неясна его цель. Вывести меня из себя? Снова разрушить самооценку и жизнь? Или вернуть?

Последняя версия настолько абсурдна, что я невольно хмыкаю.

Саша, я уверена, прекрасно чувствует исходящую от меня неприязнь. Но, кажется, это его только развлекает. Он откидывается на спинку стула с таким видом, будто собирается

смотреть дальше.

Максим нервно кашляет.

— Может, я… оставлю вас на минутку? — предлагает он, явно решив, что это дипломатичное отступление. — А вы пока пообщаетесь.

Вот уж спасибо, что разрешил. Ещё один джентльмен на мою несчастную голову.

Как только он отходит на расстояние, с которого уже не может нас услышать, я резко поворачиваюсь к Нечаеву.

Вся моя напускная светскость слетает, как шелуха.

— Что тебе нужно? — спрашиваю шепотом. — У тебя пять секунд, прежде чем я позову охрану.

Александр чуть наклоняется вперед. В глазах вспыхивает что-то темное, знакомое и крайне опасное.

— Всего пять? — усмехается он. — Жаль. У меня на тебя гораздо больше планов.

Я чувствую, как от злости у меня начинает покалывать кончики пальцев.

— Ты омерзителен.

— А ты на свидании с этим? — он бросает короткий взгляд в сторону уборных, куда, похоже, отправился мой сегодняшний кавалер. — Серьезно, Жень?

— Тебя это не касается.

— Меня касается всё, что связано с тобой.

— Какая удобная позиция для человека, который когда-то в одного принял решение развестись.

На долю секунды маска безмятежности и легкой иронии слетает с лица Нечаева. Он быстро берет себя в руки, но я успеваю заметить отблеск промелькнувшей острой эмоции. Какой именно – даже не пытаюсь понять.

Мне всё равно.

Вместо того, чтобы что-то выяснять, я поднимаюсь из-за стола.

С меня хватит.

Благо, встреча не задалась, и мне даже не жаль её прерывать.

Максим возвращается как раз в тот момент, когда я беру сумку.

— Что-то случилось? — спрашивает он немного растерянно.

— Да, — отвечаю я. — Я забыла кота покормить, извини. Нужно ехать домой, а то он там сойдет с ума.

Судя по лицу, он не понимает, шучу я или нет.

— О, ты не говорила, что у тебя есть питомец… — отзывается он.

Окститесь, Максим, я и слова вставить в ваш монолог не могла, что уж там про вымышленного кота вспоминать.

— Да как-то к слову не пришлось, — передергиваю плечами, изображая неловкость. — Прости, что вынуждена закончить вечер пораньше.

Не дожидаясь реакции, разворачиваюсь и иду к выходу.

Сердце чуть из груди не выскакивает. Меня трясет не то от

злости, не то от унижения. Не хватало только, чтобы Нечаев врывался еще и в такие идиотские эпизоды моей жизни.

Я выхожу из ресторана и сразу же ощущаю вечернюю прохладу. Уже собираюсь вызвать такси – планируя выпить, машину оставила — как за спиной раздаются шаги.

Мне даже оборачиваться не приходится, чтобы понять, кто там стоит.

— Я отвезу тебя домой, — произносит Нечаев в ультимативной форме.

Нужно как-то возразить и поспорить, но я думаю лишь о том, что он стоит слишком близко.

— Не нужно, — сделав глубокий вдох, заканчиваю свою мысль: — Я доеду сама.

— Жень, перестань капризничать. Ты ведь знаешь, что всё будет по моему, — не дожидаясь ответа, берет меня за руку и тянет куда-то.

Глава 16

Весь путь к моему дому мы проводим в тишине. Боюсь, если начну высказывать, остановиться уже не смогу. А пока мы в дороге, это может быть чревато последствиями.

Нечаев несколько раз переводит взгляд на меня, но, на удивление, о подколах своих забывает. Возможно, сказывается исходящее от меня напряжение.

Отвернувшись к окну, я думаю о том, что уволиться всё же стоит. Так продолжаться дальше просто не может. Рано или поздно я сорвусь, и тогда что?

А если и смогу годами сдерживать свою неприязнь, то это разве жизнь? Когда каждый день через силу?

Благо, с моей профессией фриланс не только возможен, но даже оптимален.

Когда машина останавливается у моего дома, я быстро отстегиваю ремень и нажатием кнопки на приборной панели самостоятельно снимаю блокировку дверей.

— Спасибо, — бросаю сухо, чтобы обозначить: на этом сегодняшнее наше общение заканчивается.

Нечаев ничего не отвечает.

Я выхожу из машины и не успеваю сделать и пары шагов, как за спиной слышится ещё один хлопок двери.

Прелестно.

Просто великолепно.

Испытания на сегодня, похоже, ещё не закончились.

Направляюсь к подъезду, уже зная, что он идет следом. Не оглядываюсь, но чувствую его присутствие каждой клеточкой своего тела.

В этот момент меня до дрожи бесит его манера вторгаться в чужое личное пространство.

Какого вот черта? Ну пошел бы Тасю свою одолевать. Зачем постоянно пытаться вывести меня из себя?

Внутри по новой начинает злость закипать.

Хочет поговорить? Так мне не о чем с ним разговаривать! Не о чем.

Какой смысл в пустых разговорах, если они не смогут вернуть мне малышку мою? Просто сокрушаться, как было некрасиво с его стороны бросать меня в самый трудный момент? Так к черту!

Несмотря на все доводы рассудка, у подъезда я всё же оборачиваюсь.

— Зачем ты это делаешь? – спрашиваю, искренне не понимая его намерений. Голос из-за неумело сдерживаемой ярости звучит неестественно. Но как-то плевать даже на это.

Нечаев же остается невозмутим.

— Хочу проводить тебя до квартиры.

Хочу… хочу… хочу… хочу…

Этот человек в принципе способен думать только о себе. За семь лет ничего не изменилось. Ни-че-го.

- Ещё скажи, что переживаешь. Теперь ты заботливым стал?

Он мрачнеет.

— Жень, не начинай.

— Не начинать что? — окончательно перестаю контролировать собственные интонации. — Мне не стоит беситься от того, что ты вечно лезешь туда, куда тебя не просят? И, напротив, не делаешь то, о чем тебя просят? О, я, наверное, тебя растрою, но теперь подобное отношение меня не устраивает.

На долю секунды теряя самообладание, он напрягается и смотрит на меня, как на несмышленого, а может, и недалекого ребенка.

Осточертело. Я уже собираюсь уйти, когда Нечаев перехватывает мою руку и рывком заставляет обернуться.

— Вот именно этого я и не понимаю.

— О чем ты?

— Какого черта ты бесишься так, будто это я всё разрушил.

Я даже не сразу нахожу, что ответить.

Теряюсь от такой наглости.

Он, кажется, принимает мое молчание за возможность продолжить.

— Мы расстались по твоей инициативе, Женя.

Невольно морщусь от столь нелепого утверждения.

Нет, в какой-то момент, устав от ежедневных дум и раз-

мышлений на тему: «А как бы всё случилось, не выбери муж карьеру, а не меня…», я поняла, почему он улетел, не став обременять себя больной беременной женой. Но говорить, что инициатива от меня исходила – это слишком.

— Какой же ты гад, - произношу, смерив его презрительным взглядом.

Если я и надеюсь, что все закончилось, то радоваться ещё слишком рано. Нечаев успевает подняться по лестнице, пока я жду лифт и поднимаюсь на свой этаж.

- Вздрагиваю, когда откуда-то сбоку раздается его раздражённое:

— Это ты всё закончить решила. Не захотела лететь со мной, собрала вещи и втайне свалила. Я понимаю, испугалась, но какого хера теперь перекладываешь ответственность на меня одного?

Бредит, что ли?

Надо бы уйти, тут до двери осталось всего ничего, но меня определенно что-то удерживает.

Остановившись, поворачиваю голову и смотрю на своего бывшего мужа.

Почему именно он вызывает во мне столько эмоций? Никто другой на подобное неспособен.

— Я свалила?

— Да. Улетела с матерью отдыхать. А потом сделала всё, чтобы нас больше ничего не связывало.

Да пошел он к черту! Зачем я эту хрень вообще слушаю?

Поморщившись, направляюсь к своей двери, но не успеваю её открыть, как в спину прилетает самый болезненный из ударов.

— Даже ребенка решила не оставлять.

Связка ключей выскальзывает из рук и со звоном падает на пол.

Тишина, наступившая после этого, кажется оглушительной.

Самая наивная часть меня до последнего надеялась, что когда-то он не так что-то понял, не оценил угрозы выкидыша или попросту в силу возраста не хотел становиться отцом. Однако даже в таком случае бросаться подобными обвинениями – верх жестокости.

Вновь посмотрев на него, напарываюсь на прямой выжидающий взгляд.

Чего он ждет?

Оправданий?

Признаний?

Или, может, раскаяния?

— Повтори, ты хочешь сказать, я виновата?

Он хмурится, и в его взгляде мелькает что-то, похожее на усталость.

— Ты всё поняла.

Не знаю, что на меня находит. Наверное, отчаяние.

Не дожидаясь следующей порции оскорблений, я преодолеваю расстояние, нас разделяющее, и бью его по лицу. Звук

пощечины выходит сухой, резкий.

Жар обжигает кожу ладони.

Нечаев едва уловимо дергает головой, больше от неожиданности, нежели от самого удара. Смотрит на меня так, будто не верит, что я действительно это сделала.

Да, вот уж сюрприз.

Впрочем, как и для меня. Я тоже не думала, что ему хватит наглости перекладывать на меня ответственность за собственные грехи. Тогда ему, значит, ребенок был не нужен, а сейчас резко понадобился, и я стала виновата в том, что не смогла беременность сохранить?!

Просто прекрасно, меня даже отчасти умиляет то, как мужчины умеют снимать с себя ответственность в таких случаях. И, что самое неприятное – сухими из воды они действительно чаще женщин выходят.

— Ты… — голос срывается, становясь сиплым и почти безжизненным. — Ты совсем больной?!

Грудную клетку сдавливает, каждый вдох отдается болью.

Меня начинает трясти.

— Жень…

— Да не прикасайся ты ко мне! — вскидываю руку, останавливая его. — И не смей говорить со мной так, будто ты имеешь право судить! Ты вообще от всего открестился и ничего не знаешь!

Он смотрит ошеломленно.

Я сама не поняла, как кричать начала?

И почему-то этот выплеск эмоций не приносит мне никакого облегчения.

Наоборот.

Всё, что копилось годами внутри, вырывается наружу. Боль разрастается, как будто её потревожили. Пробуждается разом и вся: старая, гнилая, непережитая.

— Ты бросил меня, — выговариваю я, задыхаясь от злости. — Бросил в тот момент, когда мне было хуже всего. Испугался ответственности и того, что мы с малышом можем помешать тебе строить карьеру. А теперь стоишь здесь и рассказываешь мне, что это я всё решила? Что я испугалась? Что я... — голос ломается, и я на секунду зажмуриваюсь. — Господи…

Я опираюсь ладонью о стену, потому что ноги вдруг становятся невыносимо слабыми.

Не плакать.

Только не плакать при нем.

Я столько лет запрещала себе вспоминать… Просто не вспоминать всегда было проще. А сейчас словно помутнение происходит. Затягивает меня во временную воронку.

Всё тело колотит.

— За день до вылета, когда я поехала попрощаться с родными, у меня открылось кровотечение. Плохо стало ещё в дороге, я хотела тебе позвонить, но папа, выйдя меня встречать, сразу вызвал скорую.

Вижу, как меняется его лицо, но всё равно продолжаю.

— И я в той чертовой больнице лежала одна, Саша! Одна! Мне было двадцать два, я не понимала, что происходит, мне говорили какие-то вещи про угрозу, про риски, про то, что желательно прервать беременность сразу… А ты... — я сглатываю, чувствуя, как начинает жечь в глазах. — А тебя рядом не было. Ты хотя бы представляешь, как это страшно: осознавать, что ты никому не нужен? Что тобой тупо воспользовались!

Он молчит.

Ни одного слова.

Только смотрит.

И это меня только заводит.

— Я звонила тебе, — устало вздохнув, растираю ладонью лоб. Голова болеть начинает. — Писала. Каждый день. Умоляла приехать. Или хотя бы ответить. Просто дать понять, что ты вообще помнишь о моем существовании. И сбежал тогда ты, а не я! Растворился. Как будто нас не было. Как будто меня не стало.

На последних словах голос предательски дрожит.

Опять эта чертова слабость рядом с ним.

— Я понимаю, ты выбрал карьеру. Но после этого ты приходишь ко мне и смеешь рассказывать, что это я нас разрушила? Что я решила, будто нас ничего не должно связывать?

По языку растекается неприятный привкус горечи.

Воздуха не хватает.

Делаю вдох, но он выходит рваным, болезненным.

— Тебе теперь что-то нужно от меня? — спрашиваю, и в этом вопросе, кажется, больше усталости, нежели ненависти.

Я вдруг вспоминаю свою былую надежду избавиться от всего: от опостылевшей пустоты внутри, от всепоглощающего безразличия, от боли, что рвет постоянно на части. От убийственного, угнетающего чувства одиночества, с которым я, казалось бы, справилась. Почему оно снова со мной?

Нечаев собирается мне что-то ответить, но я не позволяю ему это сделать.

Его никто не просил таскаться за мной и выводить на эмоции. Хотел? Получай.

— Ты бросил меня в самый ужасный момент моей жизни. И если у тебя все эти годы была какая-то другая версия событий, то поздравляю. Ты очень удобно в ней устроился.

Глава 17

Нечаев отвечает достаточно резко, только я его уже не слушаю. Не хочу, да и не могу. Зазвучавший в мозгу тревожный набат почти оглушает и лишает связи с реальностью.

Я очень боюсь вновь провалиться туда – в бездонную пропасть своих страхов и боли. Туда, откуда выхода нет, во всяком случае, без потерь.

Если останусь с ним наедине ещё хотя бы на пару минут, то точно сорвусь.

Подняв ключи, со второй попытки попадаю в замочную скважину и торопливо открываю дверь. Подрагивающие пальцы не слушаются. Со стороны я наверняка выгляжу комично, но как-то и на это плевать.

Только бы зайти в квартиру и закрыться. Только бы остаться одной. Только бы не видеть его.

Успеваю приоткрыть дверь и почти проскользнуть внутрь, когда крепкая ладонь перехватывает полотно сверху над моей головой.

Сердце в груди дергается так резко, что становится больно.

Вот зачем он приехал?

Зачем?

Что ему нужно?

Я не понимаю!

— Не смей, — выдыхаю я и пытаюсь затворить дверь.

Вот только уже бесполезно.

Нечисть, конечно, сильнее меня, это бесспорно.

Распахнув дверь пошире, он бесцеремонно заталкивает меня в прихожую и ступает следом.

Прозвучавший в следующий миг щелчок замка звучит почти издевательски.

Сколько это будет продолжаться?

Когда он оставит меня в покое?

Неужели не видит, не понимает, как мне трудно… Невыносимо.

Я смотрю на него и впервые за весь вечер чувствую не злость даже, а какое-то оголенное, отчаянное бессилие.

— Ты совсем с ума сошел? Что ты себе позволяешь? Выметайся отсюда.

Думаю, не стоит говорить, что он даже с места не двигается.

Лицо бывшего мужа напряжено до такой степени, что начинает казаться высеченным из камня.

Тяжелый, лихорадочный взгляд держит меня на привязи.

— Нет, — произносит он жестко. — Сначала ты всё мне объяснишь.

Я устало и безрадостно усмехаюсь.

Бред какой-то.

Я только что всё рассказала. И если мы друг другу не ве-

рим, то это уже никак не изменишь.

— Объяснить тебе?

Как, черт возьми?

— Да, мне. Потому что ты либо врешь сейчас, Женя, — он делает шаг в мою сторону, заставляя отступить вглубь прихожей, — либо я семь последних лет зря жил в гребаном аду.

Очень мило. Он жил…

Он хотя бы жил…

— Очень жаль, — отвечаю с едкой иронией, за которой всегда было спрятаться легче. — Но это не мои проблемы.

На долю секунды кажется, что он сейчас придушит меня. Но Нечаев только проводит ладонью по лицу, старается взять себя в руки.

Выходит паршиво.

— Не твои? — повторяет негромко. — Не твои проблемы? Ты исчезла накануне вылета. Уехала к родителям и пропала. Только вот перед этим собрала какие-то шмотки. Якобы для Оксанки, помнишь? Я тогда не придал значения, она вечно у тебя что-то клянчила. Дошло только после, прикинь? Удобно было прикрыться мелкой сестрой. Я ведь на следующий день общался с твоим отцом. Он сказал, что ты испугалась лично признаться мне в том, что передумала переезжать вместе со мной, и поэтому улетела с мамой на отдых, чтобы я не смог уговорить тебя.

Слушаю его слова как какую-то бессмыслицу.

Сначала даже не понимаю, о чем идет речь. Приходится

покопаться в собственной памяти.

Оксана правда вещи просила, я уже даже не вспомню, какие именно. Джинсы, кофточки… Весь гардероб с собой в Америку я брать не собиралась, поэтому охотно согласилась отдать сестре всё, что ей приглянулось.

Уже и не вспомнить, что стало с той сумкой, в которой я их везла. Возможно, забыла в такси или папа забрал. Да и какая, собственно, разница? Я никогда не задумывалась. Как-то не до этого было.

Однако сейчас холодный пот прошибает все тело.

— Я… — начинаю и тут же замолкаю.

Нечаев считывает смятение моментально.

— Что? — резко спрашивает. — Что такое? Вспомнила, как всё было на самом деле?

Я смотрю куда-то мимо него, в пустоту, и не могу собрать мысли в кучу.

Перед глазами всплывают кусочки того дня. Когда в такси стало плохо, я так сильно испугалась, что напрочь перестала что-либо соображать. Помню, как папе звонила. Плакала в трубку. Я не понимала, с чего вдруг внезапно может стать так дурно. Да и, к тому же, начавшееся кровотечение повергло в ужас. У меня даже задержки на тот момент не было, о беременности я и помыслить не могла и честно думала, что умру прямо на месте.

Последнее, что сохранилась в памяти четко: папа попросил передать трубку водителю.

Кровь отливает от лица так стремительно, что я даже отступаю к стене. Задеваю спиной стеллаж, где храню всякую мелочевку.

Папа ведь не мог это подстроить. Никто не знал, что мне может стать плохо в авто. О ребенке он тоже не знал, как и я.

По ощущениям от меня ускользает что-то важно, но что именно, я пока что понять не могу.

— Женя, — голос бывшего доносится словно издалека.

Я моргаю и наконец перевожу взгляд на него.

— Ты сказал, что папа упомянул о моем отъезде? — слышу собственный голос и едва его узнаю.

Честно, я не верю. Он бы не стал… Я точно просила позвонить Саше и обо всем рассказать…

Папа никогда не скрывал, что недоволен моим выбором мужа, но поступать столь низко и беспринципно… Он не такой.

— Да. Мне пришлось долго ждать его около дома, а когда Дмитрий Дмитриевич вернулся, то сказал, что отвозил тебя с матерью в аэропорт.

Господи, если хотя бы допустить одну мысль о том, что Нечаев не врет, что он действительно остался…

Стоит мне это только представить, как горечь острыми когтями впивается в сердце. Я тут же гоню от себя любую толику вероятности.

Нет, ни за что не поверю, что Саша не улетел тогда. Слишком дорого нам стоило оформление всех документов и по-

купка билетов.

Ему попросту бы не хватило сбережений уехать в Америку позже.

— Нет. Так не бывает, — произношу вслух. – Папа не мог тебе ничего рассказать, потому что на следующий день тебя в Москве уже не было.

— Да что ты? — Нечаев смотрит на меня, как на блаженную. — А где я, по-твоему, был?

— Улетел, как и планировал! А иначе я просто не понимаю, почему ты ко мне не приехал?!

Клянусь, мне проще думать, дескать, у нашего расставания и всего, что за ним последовало, был хоть какой-то смысл. Пусть не для меня, но хотя бы для Саши. Многие выбирают карьеру, вот и он не стал исключением.

— Да куда, Жень? – он психует. — В больницу, о которой не знал? Как я мог быть рядом с тобой, когда мне сказали, что ты сбежала? Когда твой отец смотрел мне в глаза и говорил, что ты все решила и просто не смогла сама со мной объясниться, потому что посчитала, дескать, я разозлюсь? Когда я как идиот мотался по всему городу и пытался понять, что вообще происходит?

Кожу будто кипятком ошпаривает.

— Мотался? — переспрашиваю я. — Пытался понять? А почему тогда позднее ты не ответил ни на одно мое сообщение?

— Я не получал от тебя ничего!

— Нет, я писала! И ты все читал!

Когда я пришла в себя, телефон Саши уже был недоступен. В социальных сетях страниц у него никогда не было, но оставалась рабочая почта, доступ к которой был у нас обоих. Так вот я писала на нее регулярно, а потом заходила проверить – доставлены сообщения или нет.

Он всё читал и никогда мне не отвечал. Как бы я ни умоляла приехать, всегда игнорировал. Перебрасывал сообщения в корзину, не удосуживаясь хотя бы как-то отреагировать на мое отчаяние.

А сейчас отрицает.

— Мне ничего не приходило!

Мы уже тупо орем друг на друга, что тоже вызывает всплеск неприятных воспоминаний.

— Ты просто удобно устроился в своей версии, — говорю я с ненавистью, когда ярость пламенем охватывает мозг. — Тебе так проще. Жена испугалась, сбежала, а после и вовсе не оставила ребенка. Тварь эдакая. Зато как чудесно, даже можно благородно страдать, понося ее на чем свет стоит.

— А тебе? — осведомляется жестко. — Тебе, значит, неудобно было считать меня мразью, которая выбрала карьеру, похерив при этом семью? Ты хоть раз попыталась проверить, что произошло? Хоть раз задумалась, что, может, не все так, как тебе папаша рассказал?

Я открываю рот и тут же закрываю.

Потому что нет.

Не пыталась.

Сначала мне было мучительно плохо. Неделю или две я провела в реанимации, точно не помню. Меня быстро перевели в палату и спустя пару часов забрали обратно. Уже надолго. Помимо угрозы выкидыша были ещё осложнения, касающиеся моего здоровья. Врачи советовали прерывание, но я, впадая в истерику, отказывалась.

А после были долгие месяцы…

Папа говорил, что все к лучшему – сами воспитаем ребенка, что нечего унижаться, раз Саша все равно уже сделал выбор. Уехал. Но я все равно писала ему каждый день. Так надеялась, что его всё же проймут мои рассказы о малыше… В больнице было нечего делать, вставать было нельзя, посетителей редко впускали, да и не сильно я горела желанием с кем-то общаться…

А уж когда Саша прислал документы на развод, я и вовсе перестала что-либо чувствовать. Пустота и бессмысленность.

Ребенка не стало, мужу я была не нужна… В моих глазах всё выглядело так, что от самой себя было тошно.

Дрожь во всем теле усиливается.

— Ну и чтоон тебе рассказал? — он всё видит, но продолжает давить.

Я опускаю взгляд в пол.

— Правду. Что ты улетел. Что твоя карьера для тебя важнее. Что в больницу ты не приехал и не приедешь. Что… —

голос проседает. — Что не стоит навязываться человеку, который все уже для себя решил.

— В своем репертуаре.

Я прислоняюсь затылком к стене и закрываю глаза. Перед внутренним взором одна за другой всплывают детали, которым я столько лет не придавала значения.

Папа в самом деле в тот период пытался оградить от меня всех. Тогда казалось, что причина в желании избежать стресса, но теперь я уже не уверена в этом.

А вещи, которые Оксана попросила привезти? Нет, я не думаю, что она могла быть в чем-то замешана, но открывшееся кровотечение, вполне возможно, сыграло отцу на руку. Даже выдумывать ничего не пришлось.

Живот скручивает судорогой, будто память добирается не только до головы, но и до мышц, до кожи, до внутренних органов.

Я будто бы даже чувствую тот больничный запах и холод. А ещё… бесконечное ощущение, будто меня все оставили.

Опустошение и отрешенность, при которых ты становишься сама себе не нужна и, более того, противна. Потому что не смогла сберечь то самое дорогое, что тебе единожды было послано свыше, и больше никогда такого чуда не будет.

Нет, я всё-таки впадаю в транс. Воронка прошлого неумолимо затягивает.

— Женя…

— Не надо, — произношу слишком громко и отталкива-

юсь от стены. Иду в ванную, потому что, если он сейчас скажет еще хоть что-то, я рассыплюсь прямо здесь. — Пожалуйста.

Глава 18

Александр

В состоянии, близком к параличу, наблюдаю, как за Женей закрывается дверь ванной комнаты. Не двигаюсь с места, словно это может хоть как-то помочь осмыслить услышанное.

Черта с два.

В башке словно торнадо пронесся.

С каждой новой секундой вихрь лишь возрастает. Закручивает уже не только мысли, но и нутро целиком. Это какой-то пиздец.

Приложи она меня чем-то тяжелым от всей души, и то бы эффекта такого не случилось.

Я в ахере.

Никак не могу вдуплить, что делать и как реагировать.

Семь лет.

Семь гребаных лет я жил в уверенности, что Женя испугалась. Струсила, что для ее возраста было логичным. Не захотела ломать себе жизнь, не захотела лететь в чужую страну, не захотела ребенка, который в двадцать два — не счастье, а груз, если вокруг все и без того летит к черту.

Я бесился. Безумно. Особенно первое время. На стены

лезть хотелось, всё внутри полыхало. Не мог думать о ней и не заводиться, не злиться.

Со временем начало отпускать. Не сразу, конечно. Просто в какой-то момент я устал кипеть в этой злости. Уморился каждый раз, день за днем прокручивать в памяти детали случившегося: исчезновение жены, разговор с ее отцом, пустую квартиру, собранные вещи, тишину в телефоне, наступавшую каждый раз, когда я пытался связаться.

Осточертело представлять, как она где-то живет своей новой счастливой жизнью и даже не вспоминает обо мне.

И, пожалуй, именно в тот момент я впервые допустил мысль, что принятое ею решение – благо. Если ушла, значит, так для нее будет лучше.

Мы поженились слишком рано, и то, что Женька не вывезла, было вполне ожидаемо.

Она вполне имела право.

Однако это не отменяло того, что меня размазало, только лишь немного боль притупляло.

Со временем, как мне кажется, я даже простил её. Перестал держать в себе жгучую отраву.

Наглядный тому пример: мое возвращение домой.

Увидев Женьку выходящей из лифта, я сразу понял, что больше не злюсь на нее.

Возможно, стоило помнить, что она натворила. Держаться подальше. Или, как минимум, целенаправленно не искать встречи с ней.

Только вот у меня ни черта не вышло.

Я смотрел на нее и не мог насмотреться.

На то, как она держится. На то, какой стала. На ее бесячую сдержанность, за которой слабо проглядывалась прежняя Женя — живая, упрямая, слишком колкая в минуты злости. Мне нравилось видеть, как она работает. И успехи её тоже нравились.

Я с самого начала был рад ее видеть, хоть и старался себе в этом не признаваться.

Сейчас же и вовсе, когда за дверью ванной она, скорее всего, захлебывается своей болью, у меня такое чувство, будто кожу с тела содрали живьем.

Все её слова с невыносимой ясностью продолжают звучать в голове. Кровотечение, больница, выкидыш. Меня выворачивает от одной мысли, что ей пришлось пройти через всё это без меня.

Словно опомнившись, направляюсь в ванную следом за ней.

Женя умывается. Остервенело трет щеки. Всхлипывает.

Каждый вдох дается с трудом, отчего она начинает дрожать.

На звук открывшейся двери она вскидывает голову и встречается со мной взглядом в зеркале.

— Я же сказала не...

Договорить она не успевает.

Я подхожу сзади, встаю вплотную и, ничего не говоря,

касаюсь губами ее шеи. Место, где кожа всегда была самой нежной и чувствительной, нахожу безошибочно. Чуть ниже уха.

Когда-то было достаточно легкого поцелуя, чтобы её прошибло насквозь. Вместо прелюдий было достаточно поласкать этот участок пару минут, и она становилась податливой и на всё согласной.

Сейчас эффект схож.

Вижу это в зеркале отчетливо: она замирает на долю секунды, глаза распахиваются, а по мраморной коже начинают расползаться мурашки. Память у тела сохраняется даже тогда, когда мы этого не хотим.

Женя тут же дергается, вырываясь из моих рук.

— Не трогай меня! — сипло бросает и вжимается в край раковины.

— Отпущу, если ты перестанешь шарахаться от меня так, будто я тебе сейчас что-то сделаю.

— А разве нет? — встретившись со мной взглядом в отражении, несколько секунд затравленно смотрит, а после – отводит взгляд. — Ты вломился ко мне домой… Что дальше, Саша?

— Дальше я хочу, чтобы ты перестала доводить себя до обморока.

Она грустно усмехается.

— Как заботливо.

Я пропускаю укол мимо ушей. Понимаю, отчего она куса-

ется.

— Жень, посмотри на меня.

— Не хочу.

— А придется.

Она вскидывает глаза. Красные, мокрые, злые. И такие потерянные, что у меня внутри всё болезненно сжимается.

— Я не знал, — само вырывается.

Она перебивает резко:

— А если бы знал, то что? Вернулся бы? Не стал разводиться или приехал? Спас? Смысл сейчас об этом говорить? Какой смысл, Саш?

Это, блядь, полный пиздец. Потому что да — приехал бы. Все бросил бы к черту и приехал. Только от этого легче никому не становится.

— Ладно, — говорю глуше. — Давай позже всё обсудим.

— Для тебя это, наверное, просто один из эпизодов, — произносит она едва слышно. — Что-то страшное, но давно прошедшее. Ребенок, беременность, выкидыш… набор пустых слов. А для меня нет.

— Я так не думаю.

— Думаешь, — упрямо настаивает. — Иначе не говорил бы сейчас то, что говорил. И не смотрел бы так, будто надо просто пережить, успокоиться и идти дальше.

Она судорожно втягивает носом воздух. Видно, что пытается удержать себя в руках, но сил надолго не хватает.

— Я очень ждала свою малышку, Саш. Я её очень хотела.

Я любила её, потому что она была наша с тобой.

Её.

Я даже не сразу понимаю, за что зацепился.

— Это была девочка?

Женя закрывает глаза и крепко зажмуривается.

— Да.

В висках кровь начинает стучать.

Я не знаю, как вообще стою на месте и продолжаю дышать.

— Несчастье случилось в начале шестого месяца. До того дня я на что-то надеялась. Лежала на сохранении. Врачи запрещали вставать, постоянно что-то кололи, говорили, что шанс есть… А в тот день вновь открылось кровотечение, схватки начались. Она родилась… — Женька всхлипывает. — Слишком маленькой и слабой. Нежизнеспособной.

Последнее слово Женя будто выталкивает из себя с огромным трудом.

— Жень…

Она качает головой.

— Не надо жалеть меня.

— Я не жалею.

— А что тогда? — наконец смотрит прямо. — Что ты можешь сейчас сказать? Что все еще впереди? Что я молодая? И у меня еще будут дети?

Я молчу всего лишь секунду. Этого хватает, чтобы она горько усмехнулась.

— Вот видишь.

— Нет, Саша. Не так.

— В каком смысле?

Женя прижимает ладонь к губам, потом опускает и, с трудом владея голосом, говорит:

— У меня были осложнения. Сильное воспаление. Чистка, потом еще одна. Инфекция. Длительное лечение. Мне потом прямо сказали, что эндометрий поврежден, что есть рубцовые изменения, что шейка слабая, и следующую беременность, если она вообще наступит, будет очень сложно выносить.

Буквально кожей всю её боль ощущаю.

— Ты так ничего и не понял, — шепчет она. — Я не просто потеряла ребенка тогда. Я, возможно, потеряла почти всякую возможность стать матерью вообще.

Я внезапно думаю о двадцатидвухлетней девчонке, которой сообщают такую вещь после всего, что она уже пережила и осталась без опоры. Под присмотром семьи, которая, возможно, и устроила весь этот ад.

Развернув Женю к себе, обхватываю ее лицо ладонями. Она дрожит вся, до кончиков пальцев.

— Посмотри на меня.

Выполняет.

— Ты не одна. Больше нет.

Её губы изгибаются в какой-то странной усмешке.

— Не надо обещаний, которые ты не...

— Я сказал: не одна, — перебиваю жестче, чем следует.

Она всхлипывает, прижимается лбом к моей груди и вдруг обмякает так резко, что я едва успеваю подхватить ее.

— Моя девочка.

Ткань рубашки моментально становится влажной. Она плачет беззвучно, но нестерпимо горько.

Уже не раздумывая, подхватываю ее на руки.

— Что ты делаешь?

— Хочу тебя успокоить.

— Поставь меня.

— Нет.

— Саша...

— Я сейчас знаю только один способ выбить из твоей головы все неприятные мысли.

Глава 19

Близость Нечаева как-то пагубно влияет на мой мозг. До его возвращения я считала себя вполне проработанной и, черт возьми, довольной своей жизнью. Насколько это возможно, конечно.

А сейчас, чувствуя жар его тела, упругость мышц под пальцами, теплое дыхание на своей шее, ощущаю необъяснимую пустоту внутри, а также потребность её устранить.

Идиотка. Злюсь на себя и почти ненавижу в этот момент.

Как я могла повестись на его оправдания?

Где гарантия, что всё, сказанное им, было правдой?

В конце концов, в самые тяжелые месяцы рядом со мной папа был, а не муж. И теперь я возьму и так слепо поверю словам предателя?

Здравый смысл, критическое мышление? Нет, мы не слышали.

Если бы Нечаев продолжил ссору, начал кричать и ругаться, обвиняя во всем смертных грехах, мне было бы проще возвести привычную стену. Но его понимающее отношение, неуместная и нежеланная мной бережность, вкрадчивое и, как оказалось, незабытое обращение «моя девочка» всё портят.

Пожалуй, это самое мощное оружие, которое он только

мог применить. Оно вскрыло швы, которые я старательно накладывала годами, и заставило рану кровоточить.

Очень прискорбно, но нет, я им не переболела.

Нечаев впервые в моей квартире, но ориентируется отчего-то прекрасно. Безошибочно определив, где находится спальня, вносит меня и ногой захлопывает дверь.

Здесь темно, только слабый свет из окна полузашторенного обрисовывает контуры мебели. Он садится на кровать и устраивает меня у себя на коленях.

— Не надо… — шепчу я, но голос звучит жалко, в нем нет ни грамма решимости.

Право слово, лучше бы промолчала.

— Просто дыши, Жень.

Его рука ложится на мою щеку. Подушечкой большого пальца он вытирает мои слезы. Этот жест — чистая пытка. В прошлом, когда я ездила в гости к родителям, а после возвращалась в раздрае, мужу частенько приходилось меня успокаивать.

Саша разрешал мне забираться к нему на колени и долго, уныло жаловаться. Причитая, я, естественно, опускала моменты, касающиеся его самого. Папу раздражал мой выбор спутника жизни, но, заводясь не на шутку, он начинал припоминать мне всё. От не слишком большого энтузиазма в учебе до бесчувственного отношения к ним – родным.

Он всегда знал, как довести меня до слез.

И устранять последствие истерики приходилось именно

Саше. Долгие, отчасти нудные из-за моего нытья разговоры, нежные поцелуи, чувственный секс – я любила все этапы его авторского курса психотерапии и сейчас осознаю, как мне всего этого не хватало.

Глупость, конечно. Я давно всё это переросла. Но эмоциональный шторм, поднявшийся в душе, выбил из-под ног последнюю опору, и я, сама того не желая, отлетела в прошлое.

Пульс резко подскакивает, когда Саша, обхватив мои щеки ладонями, касается моих губ своими. Нежно, но настойчиво, он целует меня так, будто хочет вытеснить всю мою боль, заменив ее своим присутствием.

Мои руки сами собой взметаются вверх, пальцы зарываются в его волосы.

«Остановись! Ты что, глупая, творишь?!» — вопит подсознание, но кто бы его слушал?

В памяти весьма кстати всплывают слова Майки о том, что было бы неплохо переспать с Нечаевым, и тогда, глядишь, попустит. И они, на удивление, отрезвляют.

Если я позволю этому случиться сейчас, на эмоциях, то окончательно потеряю себя.

Резко упираюсь ладонями ему в плечи и толкаю. Силы неравны, но мой рьяный протест считывается мгновенно. Саша замирает, его тяжелое, рваное дыхание обжигает мое лицо.

— Уходи, — я спрыгиваю с его колен и поправляю одежду, стараясь вернуть себе хотя бы видимость достоинства. —

Сейчас же уходи.

Он выпрямляется. В полумраке его глаза кажутся особенно бездонными. Разочарованным или обиженным, к моему глубокому сожалению, Нечаев не выглядит. В нем чувствуется какая-то пугающая колоссальная уверенность.

— Я не уйду, — произносит он, приближаясь ко мне.

Оказываюсь зажатой между ним и стеной.

— Ты не имеешь права здесь находиться!

— Я вернулся за тобой, Женя, — невозмутимо заявляет мой бывший муж.

Честно, лучше бы он соврал. Лучше бы сказал, что им движет жажда мести или профессионального интереса.

Нет сил слушать этот бред.

— Зря.

Собираюсь обойти Нечаева, но он перехватывает моё запястье и резко дёргает на себя.

— Жень, к чему это всё? Ты ведь всё равно меня простишь. Рано или поздно. — заявляет с невероятной наглостью. — На этот раз я не допущу, чтобы между нами встал кто-то еще.

— Ты слишком самонадеян, — шиплю я, пытаясь вырвать руку. — Считаешь, что можешь появиться спустя семь лет, сказать пару слов, и я паду к твоим ногам? Мир не вращается вокруг Александра Нечаева.

— Ошибаешься, — он наклоняется ниже, почти касаясь своими губами моих. — Мой мир всегда вращался только

вокруг тебя. Даже когда я ненавидел тебя, я думал только о тебе. И сейчас я слишком сильно люблю тебя для того, чтобы еще раз отпустить.

Я хочу рассмеяться ему в лицо, высказать всё, что думаю о его «любви», но слова застревают в горле. Его близость подавляет волю.

Сопротивление рушится, по факту так и не начавшись. Желание прикоснуться к нему становится почти что непреодолимым.

Свободной рукой он скользит вниз, оглаживая мое бедро, и я издаю звук, похожий на стон отчаяния.

Ощущение сродни падению в бездну. Ты делаешь шаг и только потом осознаешь бессознательность своего поступка и неотвратимость исхода.

Нечаев подхватывает меня, отрывая от пола и вжимая в стену. Чтобы не упасть, я обхватываю его ногами. Захлебываясь в эмоциях, мы долго целуемся, теряясь во времени и обоюдной ненависти, сжигающей нас долгие годы.

Всё слишком сложно. Наша близость не имеет ничего общего с нежностью, это, скорее, схватка. Плохо соображая, я упускаю тот момент, когда мы срываем друг с друга одежду, будто она мешает нам убедиться в подлинности друг друга.

Его горячие, сильные, жадные руки оставляют следы на моем теле, а я впиваюсь ногтями в его спину, желая причинить ему ту же боль, что чувствую сама.

Он входит в меня, заполняя одним сильным толчком. За-

ставляет выгибаться дугой навстречу каждому следующему проникновению. Чувства обострены до предела. Я резко хватаю ртом воздух и прикрываю глаза. Мир окончательно перестает существовать.

Как и раньше, он быстро находит во мне какую-то самую чувствительную точку, давит на нее раз за разом, неумолимо приближая к кульминации. Это удовольствие настолько острое и отчаянное, что очень быстро становится невыносимым.

В какой-то момент я открываю глаза и вижу его лицо. Напряженное, сосредоточенное, с плотно сжатыми челюстями. Он смотрит на меня с такой маниакальной нежностью и желанием обладать, что у меня перехватывает дыхание.

— Моя, — выдыхает в мои губы, когда мы вместе срываемся в пике, и на мгновение мне действительно кажется, что время остановилось. – На этот раз я сделаю всё, чтобы ты была счастлива и даже не думала ни о ком другом, Женя.

Но, когда тишина снова заполняет комнату, а наше дыхание начинает выравниваться, я отчетливо понимаю: проще не стало, скорее, напротив, близость лишь всё усложнила.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.